

INSPIRIA

ВЕРА АРЬЕ

ВЕЩА  
УМИРАЕТ  
ОСЕНЬЮ



INSPIRIA

Novel. Частная история

Вера Арье

**Весна умирает осенью**

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

## **Арье В.**

Весна умирает осенью / В. Арье — «Эксмо», 2020 — (Novel. Частная история)

ISBN 978-5-04-109777-6

«Весна умирает осенью» – обаятельный роман о России и Франции, в котором семейная история переплетается с драматическими событиями XX века. Во время русских театральных сезонов, проходящих в Довиле, при подозрительных обстоятельствах погибает актриса – дочь прославленного художника-авангардиста. Выясняется, что накануне трагедии кто-то подобрал ей картину отца, бесследно исчезнувшую еще в годы войны. Культурный обозреватель парижского журнала Оливия Илиади случайно оказывается первой на месте происшествия. Неудивительно, что подозрения полиции тут же падают на нее... Чтобы разобраться в случившемся и найти настоящего преступника, Оливия начинает самостоятельное расследование. Однако она на даже не догадывается, что это решение запустит цепочку невероятных событий, которые перевернут ее жизнь и заставят усомниться в силе собственной любви. Романы Веры Арье увлекают с первого слова, заставляя сопереживать героям. Новый роман автора, как и романы Дины Рубиной, удачно сочетает блестящий язык, увлекательное содержание и тщательно проработанные образы!

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109777-6

© Арье В., 2020

© Эксмо, 2020

## Содержание

Пролог	7
I	8
II	12
III	17
IV	22
V	27
VI	32
VII	34
VIII	39
IX	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

# Вера Арье

## Весна умирает осенью

© Арье В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

\* \* \*

*Все события и персонажи вымышлены,  
совпадения с реальностью случайны.*

*В России расстанутся навсегда.  
В России друг от друга города  
столь далеки,  
что вздрагиваю я, шепнув «прощай».  
Рукой своей касаюсь невзначай  
ее руки.*

*Длиною в жизнь любая из дорог.  
Скажите, что такое русский Бог?  
«Конечно, я приеду».  
Не приеду никогда.  
В России расстанутся навсегда.*

*Борис Рыжий*

## Пролог

Осень в Довиле<sup>1</sup> выдалась солнечной, звонкой, но, впрочем, какая уж там осень – всего лишь середина сентября.

«В России примета такая была, – рассказывала в детстве мама, поглаживая Весну по мягким волосам, – если на Осенины в воздухе много паутины носится, значит, лютая будет зима, конца не видать...»

Но теперь конец был близок. В охристом свечении заходящего солнца танцевали мелкие пылинки, медленно кружилась по кухне прозрачная паутина, и Весна пыталась ухватиться за нее угасающим взглядом, как за спасительную нить. А та, расщепляясь на сотни тонких волокон, предательски рвалась у нее на глазах. Казалось, воздух отчего-то сгущается, заполняя липкой массой ее ноздри и рот, и не проникает внутрь: беспомощно хватаясь за горло, Весна задыхалась.

Из приоткрытого окна доносился рокот несущихся вдоль океана машин, истеричный клеткот чаек, но этот внешний мир стремительно удалялся, затихал, заглушаемый надсадным звуком ее ущемленного дыхания. Корчась в мучительных спазмах, Весна приподняла голову, чтобы еще раз хотя бы взглядом попросить о помощи того, кто находился в комнате. Она уже не могла его видеть, но ощущала немое присутствие.

На секунду ей показалось, что плотная тень возле входной двери шелохнулась, двинулась было навстречу... и замерла.

«Ну ударь меня, ударь! – прокричала Весна что было сил про себя, тщетно пытаясь протолкнуть звук сквозь отекающую трахею, понимая, что время вышло и сознание покидает ее. – Всего один удар... и я смогу дышать! Ну давай же! Ты мне... должен...»

Голова ее беспомощно качнулась из стороны в сторону и, с глухим звуком ударившись о грубую плитку пола, в последний раз дернулась и замерла. Вслед за ней длинные и тонкие, как у водомерки, конечности содрогнулись в предсмертной конвульсии и тут же обмякли. А в покрасневших от напряжения глазах, неподвижно уставившихся в потолок, застыло беспомощное: «Ты мне... должен...»

---

<sup>1</sup> Престижный морской курорт во французской Нормандии, где проводятся конные бега, культурные фестивали и выставки.

# I

## Довиль

Сквозь узкую прореху в плотном слое облаков, пришедших накануне с Атлантики и затянувших небо над Довилем, прорвался яростный луч солнца. Еще влажный после ночного дождя песок городского пляжа, усеянный осколками ракушек и бурными водорослями, тут же заиграл нежной цветовой палитрой. Вслед за ним заискрилась мутноватая поверхность растревоженного непогодой океана.

Кутаясь в легкий плащ, который больше подходил для промозглого Парижа, чем для брутально-ветреной Нормандии, Оливия шагала рядом с Родионом, которому внезапное ненастье, казалось, было в удовольствие. Он уже совершил утреннюю пробежку вдоль берега, принял горячий душ, сварил для них обоих кофе, а затем, намотав шарф вокруг щетинистой шеи, потащил ее на прогулку.

– В бархатный сезон ты, конечно, предпочла бы оказаться на Крите или Корфу... но только посмотри, Иви, какие краски, какой колорит! Неужели тебе не нравится?

Оливия пробормотала что-то одобрительное и подняла повыше воротник, стараясь не отставать от своего спутника. Родион, с его немалым ростом и длинными ногами, умел перемещаться чрезвычайно быстро, что для репортера было большим преимуществом. А в его нынешнем расследовательском ремесле скорость и вовсе была решающим фактором, поэтому Родион делал в ускоренном темпе абсолютно все: торопливо ел, коротко спал, молниеносно соображал и стремительно передвигался. Она со своей балетной сноровкой с трудом за ним поспевала, но он как будто этого не замечал: отмахивал шаг за шагом по дощатому променаду Ле-Планш, разглядывая надписи на барьерах, разделяющих пляжные кабинки американских звезд экрана<sup>2</sup>.

– Клинт Иствуд, Шон Коннери, Элизабет Тейлор... Интересно, появятся ли здесь русские имена по окончании наших сезонов, – задумчиво произнес он, обивая с кроссовок налипший песок.

– Это вряд ли, – покачала головой Оливия, рассматривая керамическую мозаику над одной из дверей, ведущих в комнатку для переодевания и отдыха. – Я заглянула в пресс-релиз и программу: в этот раз на фестиваль приехали артисты балета, оперные исполнители и сценические художники. А вот русских кинозвезд, увы, не будет...

– У тебя запланированы какие-нибудь интервью?

– Да, все три первых дня буду бегать с одной площадки на другую – журнал выделил мне целый разворот под это событие. Кроме меня и помощницы главреда по-русски в редакции никто не говорит. А тут Ходкевич, Сотникова, Юмашев – хочется пообщаться с каждым из них, когда еще выпадет такой шанс!

– А как же красавец Джибладзе? Или у звездного премьера не нашлось времени для беседы с ведущим французским изданием?

Оливия покачала головой.

– Джибладзе нарасхват... Хотя под такой эксклюзив можно было бы получить дополнительную полосу. – Она задумчиво потерла кончик носа. – Если честно, это был бы мощный козырь – редактор и так уже намекал, что с сентября они готовы заключить со мной постоянный контракт.

Родион притянул ее к себе и подумал: оказаться в начале карьеры под крылом самого Танги дорогого стоит...

---

<sup>2</sup> С 1975 г. в Довиле проходит ежегодный Американский кинофестиваль. Вдоль всей береговой линии обустроены именные кабинки, в которых киноактеры могут переодеться перед выходом на пляж.

– Это здорово, – искренне признался он, понадеявшись, что его реплика не прозвучит как издевка.

Оливия покосилась на него с подозрением и вздохнула: она-то знала, чего стоила ей эта стажировка в команде престижного журнала «Эритаж», которую возглавлял бескомпромиссный редактор Поль Тангй. Весь университетский учебный материал приходилось осваивать по ночам, но после истории с обнаружением скульптуры Монtravelя, похищенной нацистами во время Второй мировой войны и с тех пор считавшейся безвозвратно утерянной, на факультете к ней относились очень уважительно. Настолько, что суровый Кубертен дважды давал ей отсрочку со сдачей промежуточных работ и написал рекомендательное письмо для «Эритаж», куда ее тут же пригласили поработать внештатным культурным обозревателем.

О том, что в этом году ей предстоит заниматься освещением Русского творческого фестиваля в Довиле, Оливия узнала в последний момент: опыту и сноровке зрелых репортеров главред неожиданно предпочел владение языком и понимание «культурного кода», которые были в арсенале молодой и перспективной стажерки.

По редакции, правда, тут же поползли смешки: похоже, ни один корифей французской журналистики не способен устоять перед обаянием этой девчонки – сначала расследователь Родион Лаврофф (но тут-то ладно, у него с Оливией хотя бы общие русские корни), а теперь и маститый редактор Поль Танги... Однако раздуть из этих домыслов скандал мешало одно: Танги был немолод, а главное, слишком циничен и осторожен, чтобы ввязываться в подобную интрижку на глазах у всего коллектива.

Оливия сплетни игнорировала, поддерживая вопреки всему дружеские отношения с репортерской братией и обзаведясь несколькими надежными друзьями среди фотокоров. С ними делить ей было нечего, и вся компания частенько отправлялась на аперитив в соседнюю забегаловку под игривым названием «Пуркуа па?»<sup>3</sup>. Там удавалось обсудить новости медийного мирка и обменяться полезными контактами.

«Надо бы позвонить кому-то из своих, – думала Оливия, уступая дорогу эффектной азиатке со шпичем на длинном поводке, – вдруг они отыщут человека, способного уломать Джибладзе дать мне интервью...»

Ее размышления были прерваны гнусавым объявлением, прозвучавшим одновременно из нескольких громкоговорителей, прикрепленных к фонарным столбам:

– Родители маленького Ришара, немедленно подойдите к спасательной будке! Ребенок потерялся и очень вас ждет!

В этот же момент загорелая женщина в спортивном костюме, безмятежно сидевшая за столиком прибрежного кафе, выгребла из кармана горсть мелочи, не глядя высыпала ее в блюдце и бросилась в направлении насеста с красным крестом, торчащего на высоких сваях посередине довийского пляжа.

Родион тут же развернулся и успел занять освободившееся место – буквально за секунду до того, как к нему подскочил господин в замшевой куртке и вычурном шейном платке. Мужчина, вскинув в недоумении ухоженные брови, изобразил ими недовольство и нехотя ретировался, оглядывая кафе в поисках новых возможностей.

– Марк, ну что вы в самом деле! Идите же сюда, что вас вечно тянет в народ! – раздался откуда-то слегка надменный женский голос.

Оливия, приблизившаяся было к оккупированному Родионом столику – на первой линии с видом на променады и алмазную гладь Ла-Манша, – обернулась. За серповидной аркой с надписью: «Пляж «Солнечного бара» на дощатой палубе, утопавшей в песке, были расставлены изящные столики и кресла. Рядом с ними поблескивали никелевыми боками ведерки для льда, а сверху нависали тугие купола сине-желтых солнцезащитных зонтов.

---

<sup>3</sup> Pourquoi pas? – Почему бы нет? (фр.)

У самого длинного стола, рассчитанного на восемь персон и отгороженного от остальных декоративной ширмой, стояла элегантная дама. В тонком кашемировом кардигане, свободных брюках, струящемся шелковом шарфе и объемных темных очках на остром аристократичном лице, она напоминала одну из тех американских кинозвезд, которые фланировали по Довиллю еще пару недель назад.

Рядом с немолодой красавицей в подобострастном полупоклоне застыл гарсон, держа наготове блокнот, чтобы в любой момент взять у нее заказ.

Всплеснув холеными руками, замшевый Марк устремился к даме, восклицая:

– Зоя, ну зачем вы... – Тут, чуть замешкавшись, он присовокупил на ломаном русском: – *Dusha moja!* Дайте же мне о вас позаботиться!

«Душа» равнодушно пожала плечами и бросила официанту:

– Бутылку «*Krug*» *Grande Cuvée* и две дюжины устриц.

Преданно кивнув, официант устремился в сторону барной стойки, игнорируя попытки Родиона привлечь к себе внимание. Оливия опустила в парусиновое кресло рядом с ним и начала изучать варианты позднего завтрака: багет с маслом и джемом, яйца-пашот, тосты из ржаного хлеба с авокадо и лососем – все это выглядело крайне аппетитно!

– Знаешь, кто эта дама? – поинтересовался Родион, заполучив наконец свой кофе и свежесжатый цитрусовый сок.

Оливия помотала головой, держа в сжатых губах заколку для волос, которые она уже несколько минут пыталась скрутить узлом на затылке.

– Ее зовут Зоя Вишневская. Знакомо тебе это имя?

– Ну конечно, – подтвердила она, справившись наконец с прической и отхлебнув «горячего шоколада», который на деле оказался холодноватым приторным какао. – Я же видела ее десятки раз в светской хронике... Когда я жила в пансионе при балетном училище – до того, как поступила к нам на факультет, – у меня все стены были обклеены репродукциями работ ее отца. Андрей Вишневский – гений, опередивший время, художник, который умел изображать не предметы, а эмоции. Поэтому его картины мало кто мог подделать...

– Насколько я знаю, подделывали, и не раз, – возразил Родион, принимая от официантки одной рукой корзинку с круассанами, хлебом и миниатюрными баночками джема, а второй – увесистую масленку с желтоватым нормандским маслом.

– Да, но как только дело доходило до серьезной экспертизы, сразу выяснялось, что рисунок сделан другой рукой. У Вишневого была повышенная чувствительность к цвету, он избегал однозначных оттенков и всегда смешивал краски – воспроизвести его «радужный сплав» практически невозможно...

Внезапно в кармане Родиона тренькнул телефон. Он нехотя принял звонок и тут же пустился в пространное обсуждение каких-то стилистических нюансов, связанных с корректурой его новой документальной книги.

Ломая пальцами теплый, чуть липковатый от масла круассан, Оливия рассеянно созерцала окружающий мир. Солнечные блики сверкали в едва намечающейся у берега волне, где-то вдалеке ползла, оставляя за собой пенистый след, неуклюжая баржа, а из городской гавани отчаливали легкие яхты и парусники.

На пляже, подобно бабочкам, распахивали крылья многоцветные зонтики, а между ними в поисках достойной добычи по-хозяйски прогуливались вальяжные чайки.

Тут мимо Оливии проплыли два сервировочных блюда-кокиль, заполненные кубиками льда, на которых посверкивали отборные устрицы и желтели ломтики лимона. Протиснувшись между столиками, официант водрузил свою ношу на стол, за которым расположились Зоя Вишневская и ее франтоватый спутник. Подавшись вперед и обхватив интимным жестом ее сухие запястья, Марк, кажется, так его звали, что-то страстно говорил, пристально вглядываясь в ее лицо. Но оно сохраняло дружелюбно-сдержанное выражение – Вишневская была актрисой

с богатым сценическим прошлым и умела контролировать свои эмоции, дозированно выдавая белозубые улыбки, благосклонные кивки и короткие рулады смеха в уместных на публике количествах.

– Зоя, милая, прости, что задержались! Сегодня была примерка костюмов, и так все затянулось – мне определенно пора садиться на диету!

Со стороны парковки к «Солнечному бару» спешила ярко накрашенная дама в распахнутой байкерской куртке и цветастом платье. За ней послушно следовали двое молодых людей инфантильной наружности.

Сметливый официант бросился за новыми бокалами и заказанным актрисой шампанским. Через секунду послышался истеричный собачий лай, и два последних места за столом Зои заняли импозантный седовласый господин и его вызывающе юная спутница. Она держала на руках испуганного той-терьера, который мелко дрожал и нервно облизывался.

– Колоритная компания, – констатировал Родион, закончивший свои телефонные дебаты и с аппетитом взявшийся за запоздалый завтрак, который имел все шансы превратиться в обед. – Говорят, шампанское и бриллианты – вот в чем секрет вечной молодости Вишневской...

– А сколько ей сейчас лет?

Родион задумался, а потом назвал примерное число.

Оливия бросила на него изумленный взгляд.

– Да не может быть...

– Зоя – одна из богатейших женщин Франции и многое может себе позволить. К тому же она актриса, привыкла следить за собой. Правда, в последнее время она так увлеклась вечеринками, что рискует навредить своему безупречному облику. По-моему, недели не проходит, чтобы ее имя не мелькнуло в какой-нибудь позорной светской хронике.

– Это точно... То скандал с молодым альфонсом, который проматывал ее деньги, совершая путешествия на частном самолете с девушками из эскорта. То эти вечеринки «для своих», которые она устраивала прошлым летом в Сен-Тропе. Помнишь тот жуткий случай, когда один из ее немолодых гостей умер прямо в смокинге в шезлонге у бассейна, а Зоя обнаружила его тело лишь на следующее утро?

– Однако это не умаляет ее заслуг перед искусством. Все-таки Вишневская когда-то была яркой актрисой – я видел ее дважды на сцене «Театра Шатле». Кстати, не знаешь, она приехала сюда лишь в качестве зрителя?

Оливия задумалась и полезла в сумку за смартфоном. Зайдя в свою почту, отыскала сообщение с заголовком «Программа» и, просмотрев его, с удивлением заметила:

– Надо же! Я как-то упустила это обстоятельство: Вишневская открывает фестиваль торжественной речью, а в последний день будет вручать участникам статуэтки.

– Вот у кого стоило бы взять интервью! Ее фамилия может однажды появиться на местной Аллее Звезд, – он кивнул в сторону именных барьеров, украшающих океанский променад.

– Если честно, для меня Вишневская – персонаж из прошлого. Да и ее русские корни не имеют особого значения – она ведь родилась и выросла в Париже... Лучше все же рассказать читателям о современном искусстве и об артистах, приехавших из России.

– Как знаешь, – вздохнул Родион, доставая темные очки – солнце уже стояло в зените, растолкав облака, и слепило нещадно. – В любом случае организовать беседу с Зоей в последний момент не получится. Судя по всему, мадам приехала в Довиль не столько работать, сколько наслаждаться последней вспышкой лета. Но, если честно, я могу ее понять: это ведь искусство долговечно, а жизнь человеческая очень коротка. Закажем шампанского?

## II Актриса

Следующий день промчался на высоких скоростях: с раннего утра Оливия в сопровождении редакционного фотографа бегала по гримерным комнатам, служебным коридорам, отельным номерам и уединенным скверам – в общем, любым местам, где соглашались встретиться звезды российской оперы и балета.

Последняя беседа оказалась самой тяжелой – интервью с художественным руководителем труппы пришлось брать на арьерсцене «Театра Казино Барьер», заваленной реквизитом к готовящемуся спектаклю. Вокруг сновали светотехники, монтировщики, костюмеры, то и дело прерывая их разговор громкими репликами и внезапными обращениями. Худрук раздражался, закипал на глазах, но старался все же ответить на вопросы обаятельной французской журналистки, которая, как оказалось, прекрасно владеет русским.

– Понимаете, в этой постановке мы хотели бы раскрыть внутренний мир каждого участника, чтобы добиться наиболее тесного контакта со зрителем, – рассказывал он, то и дело косясь на сцену...

– Да сделайте уже что-нибудь со светом, еперный балет, ведь рваный задник из зала видно! – проревел вдруг кто-то из партера.

– ...так вот, – попытался продолжить худрук, нервно передернув лицом, – во время фестиваля хотелось бы продемонстрировать французской публике весь диапазон...

Конец его фразы заглушил скрежет лебедек – сверху на мощных тросах на сцену начали спускаться античные колонны. В отчаянии махнув рукой, худрук жестом предложил Оливии переместиться в другое помещение, которое оказалось тесной подсобкой в самом конце коридора. Судя по прищипленному к двери листку с надписью кириллицей: «Не долбить! Распугаете муз!», российская труппа обжила и ее.

Распрощавшись с измученным худруком и выйдя наконец из театра, Оливия взглянула на циферблат: уже половина шестого... Через полтора часа начнется гала-ужин, а ей нужно еще сделать пару звонков и привести себя в порядок.

Погода стояла чудесная: золотистый шар солнца оплывал, заливая краской тусклый горизонт. Воздух был влажным и теплым, пахло водорослями и рыбной похлебкой.

Миновав роскошную улицу Казино с ее элегантными бутиками и толпами празднующихся гостей, Оливия повернула в проулок. Он был утыкан особняками, оформленными в нормандском стиле: заостренные башенки на фоне двускатных черепичных крыш, резные балконы, застекленные эркеры и характерный «коломбаж»<sup>4</sup> из темных деревянных брусьев.

В самом конце пассажа возвышалась отпускная резиденция, в которой им удалось снять квартирку на всю фестивальную неделю. Апартаменты принадлежали коллеге Родиона по исследовательской ассоциации, и тот охотно их уступил, предпочитая отдыхать на курорте в более спокойный сезон.

Родион сосредоточенно расхаживал по комнате, что-то наговаривая на диктофон. Зная, что отвлекать его в такие минуты нельзя, Оливия тихо проскользнула в ванную. Та была небольшой, но, в отличие от самой квартиры, хорошо обустроенной. На кафельном полу стояли горшки с цветами и миниатюрные керамические подсвечники, на полке возвышалась стопка мохнатых полотенец, а в изножье ванной чья-то заботливая рука разместила флакончики с морской солью и эфирными маслами: розмарин, тимьян, лаванда.

---

<sup>4</sup> Конструкция из деревянных балок, которые служат каркасом здания.

Но главным преимуществом этого пространства оказалось окно, прорубленное в скошенном мансардном потолке: сквозь узкую щель приподнятой фрамуги проглядывало темнеющее небо и доносился плеск тяжелых волн.

Погрузившись в пенистую воду и прикрыв глаза, Оливия попыталась расслабиться и ни о чем не думать. Но в голове вертелась карусель из лиц, звучали обрывки фраз, пронеслись сквознячки смешков...

Вдруг где-то забулькал навязчивый рингтон.

«Ох, ну кому там неймется!» Нехотя выпростав руку из-под пузырьчатой перины и отерев ее о висящее рядом полотенце, Оливия дотянулась до сумки и подтащила ее к себе. Аккуратно достав смартфон, обнаружила уведомление о пропущенном звонке и несколько сообщений от Габи.

«Илиады, ты в Довиле?»

«Ответь, пожалуйста, это срочно!»

«Пыталась дозвониться, а ты трубку не берешь! У меня тут такая засада...»

Суматошная, импульсивная Габи, что приключилось с тобой на этот раз? Оливия вздохнула и выдернула пробку водослива – как ни крути, а пора вылезать и собираться на ужин. Ополоснувшись и высушив волосы феном, она присела на табурет, задвинутый в самый угол ванной комнаты, и набрала номер подруги. После нескольких гудков трубку сняли, но вместо знакомого энергичного голоса послышался нечленораздельный сдавленный шепот, а потом и вовсе дали отбой...

Тут же капнуло сообщение: «Бегу к врачу – все катится к чертям!»

Оливия в недоумении посмотрела в зеркало, будто бы собственное отражение могло ей что-то объяснить. Как и она сама, Габи училась на факультете массовых коммуникаций, но окончила его еще в прошлом году. После успешной стажировки в пресс-службе крупного аукционного дома она нашла себе работу на одном из телевизионных каналов. Недавно Габи включили в рабочую группу, занимавшуюся подготовкой документальных фильмов и культурных программ. Видимо, на фестиваль она тоже приехала с каким-то редакционным заданием. Так что же стряслось? Загадка, да и только...

В дверь настойчиво постучали.

– Ты скоро? Нам пора выходить...

Два слоя черной туши, капля туалетной воды. Она торопливо распахнула дверь, выпустив густое облако пара. Родион уже был одет – щепетильный и педантичный, он терпеть не мог опаздывать. Оливия покосилась на его безупречный костюм и белую рубашку, которую их домработница Саломея отгладила до ледяного хруста, и принялась поспешно натягивать платье.

Войдя в парадный вход отеля «Норманди» с его элегантным, утянутым в дубовый корсет фасадом, они пересекли сквозной холл и, миновав стеклянную дверь, оказались на шумном приокеанском бульваре. Урча мотором, мимо пронеслась красная «Феррари», а вслед за ней проплыл черный «Роллс-Ройс», направлявшийся к эспланаде казино.

Через минуту там оказались и они. Окинув взглядом просторный вестибюль, Оливия на секунду зажмурилась – сияние барочных люстр, сверкание зеркал, сдержанный блеск украшений на дамских шеях и запястьях...

– Мадам-месье, позвольте вас проводить. – Метрдотель с накрахмаленным лицом принял из рук Родиона приглашения и указал им на лестницу.

По периметру огромного пространства, мягко подсвеченного бронзовыми бра и низко висящими ампириными люстрами, стояли столики в сатиновых нарядах. Сервировка была сдержанной, без избытка. Пурпурные портьеры с тусклой позолотой и стулья, обитые бархатом, невольно наводили на мысли о театре.

Большая часть мест была уже занята. Отовсюду слышались французская и русская речь, восторженные восклицания, звонкий смех. В самом центре зала возвышался концертный рояль, за которым сидел седовласый красавец, перебиравший пальцами черно-белые клавиши. Его импровизация чем-то напоминала музыкальную тему из фильма «Мужчина и женщина»<sup>5</sup>. У окна Оливия заметила несколько уже знакомых ей по интервью балетных артистов и художника. Тот, судя по всему, пребывал в благостном настроении и что-то увлеченно рассказывал мило-видной шатенке, чье внимание было полностью сосредоточено на нем.

Внезапно по салону пронесся шепоток, как от сквозняка на столиках дрогнули свечи. Оливия обернулась: с легкой полуулыбкой, обращенной ко всем и ни к кому, в зал вошла Зоя Вишневская. Актриса двигалась не спеша, словно плывя навстречу невидимой камере: сначала общий, затем средний и, наконец, крупный план. Плавный поворот головы, приветственный кивок, благосклонный взмах ресниц и вспышка аметистовой слезы в изящно скроенном ухе.

Каждый ракурс продуман до мельчайших подробностей, каждый жест, каждый вздох. На фоне этого ледяного великолепия – белизны припудренной кожи, будто бы и не тронутой увяданием, синевы холодных глаз, изящности осанки – спутник актрисы в тесноватом парадном смокинге и лаковых ботинках выглядел несколько комично.

– Пока ты собиралась, я выяснил, кто этот фат с опереточной бородкой, – заметил Родион, пристально изучая содержимое тарелки с закуской, которую официант поставил перед ним.

Оливия нехотя отвела взгляд от Зои, которая усаживалась за лучший в зале столик – ближе к задрапированному портьерами окну, в круге мягкого света, который так выгодно подчеркивал неброское великолепие ее наряда.

– Ты имеешь в виду спутника Зои?

– Да, уж больно колоритен...

– И кто же он?

– Марк Портман, владелец культурного фонда, которому принадлежит один из музеев современного искусства в Париже.

– Постой-ка. – Оливия отложила вилку. – Уж не того ли, где недавно проводилась выставка экспрессионистов? Я же делала летом репортаж для «Эритаж», правда, общалась там только с куратором...

– Именно, – кивнул Родион, отправляя в рот кусочек крабового мяса, приправленного эстрагоном. – Портман уже долгое время окружает Зою вниманием и числится в ее фаворитах.

– Думаешь, за этим стоит какой-то корыстный интерес?

– С уверенностью сказать нельзя, но ходят слухи... Однако не будем уподобляться сплетникам!

– Вот в этом ты весь – заинтриговать, а потом устраниться!

Родион улыбнулся, глядя на ее раздосадованное лицо.

– Иви, ну я же не изучал этот вопрос всерьез. Так, пролистал несколько статей и прочитал пару обсуждений в Сети. А там чего только не напишут!

Оливия открыла было рот, чтобы ему возразить, но вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернувшись, заметила Габи, энергично продвигающуюся между столами в сопровождении какого-то молодого человека.

Подруга выглядела великолепно: в платье с заниженной талией и с длинной нитью жемчуга на шее, она напоминала звезду немого кино. Однако на ее обычно подвижном лице застыло какое-то тревожно-растерянное выражение, которое совершенно ей не шло.

---

<sup>5</sup> Кинолента французского режиссера Клода Лелуша, снятая в Довиле и вышедшая на экраны в 1966 году. Фильм получил десятки международных наград и премий.

Приблизившись, Габи поприветствовала Родиона кивком и, умоляюще глядя на Оливию, жестом указала ей на террасу. Ничего не оставалось, как подняться и последовать за ней.

На балконной площадке, с которой открывался вид на подсвеченный фонарями бульвар, деревья с рedeющими кронами и сланцевую гладь океана, было совсем мало людей. Гости вечера наслаждались праздничным ужином в зале, и лишь несколько мужчин в черно-белой униформе сновали по террасе, собирая пустые бокалы из-под шампанского и коктейлей.

Облокотившись на прохладные перила балюстрады, Оливия спросила:

– Габи, ну не томи, что там у тебя стряслось? Что за конспирация?

Подруга бросила на нее жалобный взгляд и вместо реплики неожиданно издала звук, напоминавший скрип истертых тормозных колодок.

– Врач сказал, острый ларингит, – скорбно произнес сопровождавший ее молодой мужчина. – Неделя антибиотиков, паровые ингаляции. И никакой нагрузки на голосовые связки – абсолютный покой!

В голосе послышалось такое отчаяние, что Оливия взглянула на него оценивающе: уж не связывает ли его с Габи сердечная привязанность? А она сначала приняла его за коллегу.

– В общем, вся надежда на вас!

– Скажите, что от меня требуется, – растерянно пробормотала Оливия, – попытаюсь помочь...

– Мы рассчитывали, что Габи как-нибудь восстановится, – продолжил он уже более воодушевленно, – но, похоже, этого не произойдет. Утром она могла еще немного говорить, но сейчас, как видите, ситуация безнадежная. А ведь завтра у нас съемка!

– Вы готовите репортаж?

– Да если бы! С этим бы я и сам справился. Мы снимаем документальный фильм об Андрее Вишневском – скоро у него юбилей. Специально приехали сюда, в Кальвадос,<sup>6</sup> где он прожил много лет со своей дочерью. Зоя Вишневская согласилась дать нам несколько коротких интервью, из которых мы потом смонтируем «флэшбеки» для ностальгического фильма о художнике.

– А-а, так вы – оператор... – догадалась Оливия. – А Габи должна была выступить в роли интервьюера?

– Ну да... Они два месяца согласовывали это с мадам – та, знаете ли, не из стоворчивых. Но ведь Габи кого угодно может уболтать! И надо же было нам засидеться вчера на пляже допоздна – ветерок с Ла-Манша и охлажденное белое сделали свое дело.

– Позвоните в редакцию: от Парижа до Довиля два часа езды. Они кого-нибудь пришлют на замену.

– Мы должны начать съемку завтра в девять утра – у Вишневской все время расписано, и сдвигать ради нас она ничего не будет. Да и потом, в редакции поднимется такая шумиха!

При этих словах Габи, которая стояла все это время рядом, удрученно склонив голову, тяжело вздохнула.

– Погодите, давайте по порядку. Как вас зовут?

– Аврелий, – представился оператор сконфуженно, видимо, осознавая, до какой степени это значительное имя не подходит к его растушеванной внешности.

– Вы понимаете, Аврелий, к такой встрече надо готовиться. Я о Зое практически ничего не знаю, хотя и знакома с творчеством ее отца. Это будет выглядеть непрофессионально...

В этот момент лицо Габи напряглось – скорчив мученическую гримасу, она попыталась что-то произнести. Быстро поняв тщетность своей попытки, она достала смартфон и ткнула пальцем в «иконку» с конвертиком.

---

<sup>6</sup> Департамент нормандского региона, в котором находится город Довиль. Там же производят одноименный яблочный бренди.

– Думаю, она пытается сказать, что перешлет вам исходники по электронной почте.

– Да, но одна ночь на подготовку! Как вы себе это представляете?!

– Оливия, у нас совсем нет выхода. Это наш первый совместный проект... Если материал не будет снят, мы подведем всю рабочую группу – сроки выхода фильма сдвинуть нельзя, он уже стоит в эфирной сетке.

Не дав ему договорить, Габи схватила Оливию за руку и умоляюще заглянула ей в глаза.

– Вы просто шантажисты, – обреченно выдохнула та, уже понимая, что ей не отвертеться. – Дайте мне хотя бы подумать...

В эту секунду в дверном проеме, обрамленном, словно гримерное зеркало, сотней искрящихся ламп, возник женский силуэт в длинном платье. Брызнули бриллиантовые искры, и тут же загудел знакомый баритон.

– Душа моя, ваша щедрость не имеет границ... Поверьте, ранняя работа Андрея Вишневого – это бесценный дар! Настоящая жемчужина в нашей коллекции!

– «Весну» я передала вам на экспертизу, Марк, – заметила Зоя суховато. – Об остальном говорить пока рано.

– Конечно-конечно. – Марк бросился исправлять свою оплошность, кружа вокруг нее навязчивым шмелем. – Но не будем о делах. Вы только посмотрите, какой сегодня упоительный вечер!

Проводив взглядом эту эксцентричную пару, Оливия произнесла:

– Ладно, Габи, присылай свои вопросы... и уж, пожалуйста, не пей за ужином холодного вина!

### III

## Знакомство

Отыскав в темноте на ощупь торшер, Родион щелкнул выключателем, и комнату залил жидковатый электрический свет. Опустившись в стоявшее рядом кресло, он скинул узкие ботинки и со вздохом вытянул ноги – вечер выдался длинным, а потом еще эта ночная прогулка до дома...

Оливия же, напротив, не выглядела усталой. Попав в квартиру, она первым делом достала ноутбук и нырнула в свою электронную почту.

– С ума сойти, – пробормотала она. – Восемь сообщений. Впрочем, зная Габи, удивляться нечему – в ней каким-то образом уживаются безалаберность и обстоятельность. Ты только посмотри, сколько здесь материала! И ведь сгруппировано все по датам и событиям...

– Правильный подход, – одобрил Родион. – За свою жизнь Зоя дала десятки интервью, и в очередной раз обсуждать избитые темы ей будет неинтересно. В вашем фильме Вишневский должен предстать таким, каким он остался в Зоинем сердце. А добиться этого можно, лишь отыскав в их прошлом то, что недосказано, скрыто от посторонних глаз.

Он вдруг замолчал, уставившись на работу местного мариниста, украшавшую простенок.

– На твоём месте, Иви, – присовокупил он неожиданно, – я бы от этой затеи отказался. За одну ночь проделать такую работу невозможно.

Ответа не последовало. Прокручивались страницы, разворачивались полотна «меню», глухо щелкали клавиши.

Что ж, неудивительно: к «невозможному» Оливия питала повышенный интерес, ей нравилось испытывать судьбу на прочность.

– Все вопросы тщательно продуманы, – отреагировала она наконец, внося какие-то пометки в текст. – И не волнуйся – во время съемки я останусь за кадром, а при монтаже мой голос и вовсе уберут. На пленке все будет выглядеть так, будто Зоя просто предается воспоминаниям – потом подберут видеоряд и сочинят закадровый комментарий.

– Решай сама, – пожал плечами Родион, понимая, что преодолеть ее природное упрямство невозможно. – Главное, чтобы Танги не донесли, что во время рабочей поездки ты занималась чужим проектом.

Оливия на секунду задумалась, смахнула с клавиатуры пылинку и повернулась к нему.

– Слушай, кроме Габи и ее оператора об этом никто не знает. Я понимаю, тебя пугает мой авантюризм, но без него в нашей профессии делать нечего.

– Не авантюризм, а легкомыслие! Ты не умеешь говорить людям «нет», пытаешься всем угодить – в этом твоя беда...

Оливия опустила глаза, прислушиваясь к монотонному гудению компьютера. На ковре лоснилось застарелое пятно, по которому ползала вялая муха. Где-то за стеной часы с музыкальным боем отстукивали полночь. Разговор захотелось немедленно свернуть.

Под утро она заглянула в соседнюю комнату – Родион крепко спал, запрокинув голову и широко раскинув руки. Прилечь рядом, не потревожив его, было бы невозможно, поэтому она устроилась кое-как на диване в гостиной. Но забыться не удалось – ночь уже уходила, уводя за собой поблекшую луну. Небо светлело, воздух наполнялся энергичным клеточным чаек.

Оливия вздохнула – до встречи с Зоей еще несколько часов. Пожалуй, можно прогуляться вдоль пляжа и где-нибудь позавтракать. Стараясь не шуметь, она взяла сумку с ноутбуком и вышла из квартиры.

Довиль пробуждался медленно. Со стороны причала брела враскачку, нестройно подвывая, хмельная компания; по океанскому бульвару, сердито погромыхивая, катился первый мусоровоз.

Вдруг из-за угла выплыл съемочный кортеж. В кабине теснилась режиссерская группа, а двое операторов балансировали на задней прицепной платформе, на которой красовался черный «Корвет» с мужчиной и женщиной в салоне – они вели разговор под стук «неукротимого дождя». В роли распорядителя небесной канцелярии выступал бородач в резиновых сапогах и водоотталкивающем плаще, извергавший из распылителя струи воды прямо на лобовое стекло.

Оливия пропустила кинокавалькаду и, перейдя через дорогу, оказалась на пустынном променаде. Столбы уже погасших фонарей вдоль дощатого настила, простирившегося на пару километров, были покрыты каплями росы.

За закрытыми дверями кафе деловито сновали люди: раздвигали столики после вечерних посиделок, орудовали за кассовыми прилавками и барными стойками, готовясь к новому фестивальному дню.

Вдоль берега, утробно урча, полз чудной агрегат, просеивавший песок и собиравший мусор. Дождавшись, когда он скроется за спасательной будкой, Оливия подошла к воде. Океан казался неподвижным и безмолвно-покорным, словно пребывал в летаргическом сне. А за горбатыми холмами уже расцветало щедрое солнце, рассекавшее лучами дымку над курортным городком с его площадями, полями для гольфа, ипподромом, казино и бескрайним атлантическим пляжем.

Вдруг со стороны порта послышались отрывистое лошадиное ржание и частый перестук копыт. Оливия нехотя оторвала взгляд от воды: в утреннем мареве, взметая снопы брызг, неслись две черные лошади. Высоко вздымая копыта, они бежали по вспененной кромке прямо на нее: поджарые голени, гибкие шеи, шлейф влажных спутанных грив... .

Оливия попятилась, уступая им дорогу. Первой пронеслась мимо нее изящная темноволосяя всадница. Обернувшись на ходу, она прокричала:

– Ну же, Марк, не отставай! Опоздаем на конкёр!<sup>7</sup>

Портман – а это был он, Оливия узнала его по орлиной посадке головы и всклокоченной мефистофельской бородке, – прищпорил скакуна и, пригибаясь к распаренной лошадиной шее, припустил что было мочи за грациозной валькирией.

Дом Зои, принадлежавший когда-то ее отцу, стоял в стороне от променада и переполненных ресторанов – в той части береговой линии, где расположились самые роскошные особняки. Каждая вилла имела собственный доступ к воде – деревянные ступеньки с перильцами приводили их обитателей прямо на пляж.

Резиденция Вишневских скрывалась за хвойной изгородью – торчали лишь остроконечные башенки и трубы каминных дымоходов. Приблизившись к калитке, Оливия нажала на кнопку звонка. Затем повторила попытку, но ей так и не открыли. Она уже достала было телефон, чтобы позвонить Аврелию, но в эту секунду из-за спины раздался знакомый голос:

– Я не забыла о вас, моя дорогая! Просто не спалось, вот и решила пройтись по пляжу...

Оливия обернулась. Придерживая на груди белоснежный кардиган, норовивший распахнуться от ветра, со стороны океана к ней спешила Зоя Вишневская. Актриса аккуратно ступала босыми стопами по влажному песку, стараясь не порезаться об острые ракушки – их осколками было усеяно все побережье. Подойдя к лесенке, Зоя обула матерчатые туфли, которые дожидались ее на ступенях. С удивительной для своего возраста легкостью она поднялась наверх.

– Не волнуйтесь, мы все успеем, – улыбнулась она приветливо, – сейчас заварим кофе и начнем.

---

<sup>7</sup> Конные состязания по преодолению препятствий (*фр.*).

Оливия взглянула на часы – где же оператор? Он должен был ждать ее здесь ровно в девять...

Зоя тем временем отомкнула ключом калитку и жестом пригласила Оливию войти. В нос ударил смолистый дух с нежным яблочным отливом: пышный сад, окружавший дом Вишне-ских, полыхал сентябрьскими красками. Вдоль ограды теснились сосны и можжевельник, а по пологому склону, ведущему к вилле, избегали ряды яблонь. Их ветви отяжелели, тянулись к земле, уже усеянной россыпью медово-розовых плодов.

Между деревьями петляла гравийная дорожка, отчеркнутая узким бордюром. Она огибала декоративный пруд, кованую беседку, столик с креслом, на котором скучала позабытая кем-то книга, и, наконец, заложив петлю возле клумбы, упиралась в грунтовую площадку.

По центру, увитый шевелящимся на ветру плющом, в яркой цветочной перевязи, возвышался величественный нормандский дом.

– Когда папа купил эту резиденцию, – произнесла Зоя, пропуская гостью внутрь, – меня еще не было на свете. В Париже к тому времени уже прошла его первая выставка, во время которой он познакомился с галеристкой Стеллой Лурье. Благодаря этой предприимчивой женщине в конце тридцатых его картины стали очень хорошо продаваться.

Оливия замерла посреди прихожей, оглядывая обстановку. Из тесной передней, напоминающей лаковое нутро табакерки, двери вели в просторную кухню. Посередине нее располагался разделочный стол-остров с мраморной столешницей, на котором красовался расписной кувшин с цветами. На стальных крюках висели разнокалиберные кастрюли, сковородки, сотейники – в их натертых до блеска боках бликовало солнце, пробивавшееся сквозь листву в панорамном окне.

Зоя перехватила взгляд госты и, улыбнувшись, уточнила:

– Я провожу здесь много времени, с юных лет люблю готовить. Мы с отцом жили вдвоем, мама ушла очень рано. Поначалу он вел хозяйство сам, а лет в четырнадцать я заменила его у плиты – папе надо было работать. У него был строгий распорядок дня: ранний подъем, прогулка вдоль океана, работа в студии или на свежем воздухе. Потом обязательное чтение газет и вновь уединение. По вечерам он лишь делал наброски карандашом – говорил, искусственное освещение искажает цвет, меняет оттенки...

Они вошли в гостиную. Пол, слегка разошедшийся от времени и местами источенный жучком, покрывал восточный ковер, придавленный легкомысленным трио – лиловым диваном и двумя стоящими напротив него гнутыми креслами. По правую руку находился камин, обрамленный мраморным порталом. Стены салона, выкрашенные в сливочный цвет, украшали старинные гравюры. В дальнем углу тикали напольные часы, показывавшие четверть десятого.

Вдруг раздалось дребезжание дверного звонка. На пороге показался Аврелий. Его волосы были взъерошены утренним ветром, а на щеке отчетливо виднелся залом от подушки. Сумбурно извинившись, он окинул взглядом комнату и, выбрав удачное место, принялся устанавливать камеру и налаживать освещение.

Зоя тем временем поднялась наверх. Вскоре она вернулась в полной готовности: естественно уложенные волосы, тщательный неяркий макияж; шея задрапирована шелковым платком, кисти рук на треть прикрыты удлиненными манжетами блузки. Глядя, как актриса устраивается в кресле, занимая выгодную позу, Оливия поймала себя на мысли, что возраст явно не был ее врагом: Вишне-вская умело использовала его преимущества и ловко маскировала недостатки.

Вести беседу с Зоей оказалось легко: вопросы актрисе выслали заранее, и, уверенно глядя в камеру, она с удовольствием пустилась в путешествие по лакунам памяти. Чувствовалось, что все обстоятельства жизни отца она перебирала в уме не раз: и его жизнь в дореволюционной Москве, которую он так отчаянно любил, и переезд во Францию, где предстояло отучиться несколько лет в Академии Гранд Шомьер по настоянию родителей. И то, как все планы на буду-

щее были сметены революционными вихрями, навсегда отрезавшими его от той части суши, где прошло его детство.

Рассказ Зои о матери, Ольге, звучал куда более сдержанно, местами даже несколько сбивчиво... «Это объяснимо, – думала Оливия, сверяясь с лежавшим на ее коленях планшетом, – Вишневская осиротела совсем еще ребенком. Практически все, что она знала о маме, уже не раз было доверено прессе...»

– Вы не представляете, – рассказывала тем временем Зоя, вновь переключаясь на отца, – каким потрясением для него стали октябрьские события! Он оказался в чужой стране в совершенном одиночестве. Пару раз какие-то знакомые, попавшие в Париж через Польшу или Германию, передавали ему письма от родителей и денежное довольствие. Но все это очень быстро закончилось: в девятнадцатом году связь с семьей прервалась навсегда.

– Вы так никогда и не узнали, какая участь их постигла?

– Милая моя, – вздохнула Зоя, – в те годы вариантов было немного. Те, кто покинул страну, кое-как устраивались на чужбине и жили в основном надеждами, что вскоре сумеют вернуться. А те, кто остался, перешли в разряд «бывших» и были вытеснены из городов в сельскую местность, где с трудом обустраивали свой быт...

Она на секунду замешкалась, словно выбирая правильную интонацию.

– Ну а остальные шли под расстрел. Моя родня не стала исключением.

– Насколько мне известно, вашей матери, Ольге, повезло больше других. Она ведь перебралась в Париж вместе со всей семьей?

– Дед до революции был купцом первой гильдии и владельцем чайного торгового дома. Человек практического склада, он держал часть своих сбережений во французских и швейцарских банках. Ему также принадлежала квартира в Париже – на улице Дарю, недалеко от Триумфальной арки. Там они и поселились в двадцать втором, сразу после переезда. Моей матушке исполнилось двенадцать, в Париже до этого она бывала не раз, а потому эмиграция не стала для нее такой уж травмой. Да и жизнерадостный, а местами поверхностный ее характер не располагал к долгим страданиям. – Лицо актрисы на секунду дрогнуло, но она быстро совладала с эмоциями и как бы между делом лучезарно улыбнулась в камеру.

Интуитивно поняв, что почва под ногами становится зыбкой, Оливия аккуратно сменила тему.

– На улице Дарю, о которой вы упомянули, находится русский собор. Ваши родители венчались там?

– Да. Они познакомились в двадцать девятом – их представили друг другу на одном парижском вернисаже. Роман развивался стремительно, и хотя мой дед был не в восторге от выбора дочери – какой-то художественный оформитель при типографии, чудак-авангардист, да еще на четырнадцать лет старше! – в первый день промозглой весны тридцатого года родители обвенчались по православному обряду. Мама часто рассказывала мне об этом... Она, знаете ли, обладала редким даром – ее слова вмещали множество образов и деталей, которые образовывали вместе живую картину. Бывало начнет вспоминать, и ты уже не сидишь на траве в довильском саду, грызя подобранное яблоко, а стоишь на влажной парижской брусчатке, наблюдая за городской жизнью. И одна за другой, словно кадры довоенной хроники, сменяются сцены...

Вот проносятся мимо переполненные omnibusы, забрызганные грязью «ситроены», рычащие грузовики. А вот по тротуару, поправляя шляпку клош и перекладывая из руки в руку фибровый чемоданчик, спешит куда-то юная провинциалка. Вслед за ней сосредоточенно семенит, придерживая на поводке линялую болонку, старушка в крашеном каракуле. Вдруг из-за поворота им навстречу выезжает громоздкая детская коляска, которую толкает перед собой мальчуган в морской фуражке и распахнутом двубортном пальто. Вслед за ним, источая запах жасмина и каких-то лекарств, спешит усталая бонна...

И в этом повседневном кино, складывающемся из обрывочных маминих воспоминаний, ты не более чем зритель – но лишь до тех пор, пока над крапчатыми крышами квартала, над окурками каминных труб, заглушая птичий гвалт и рокот моторов, не грянет бронзовым перезвоном ликующий колокол. И ты сорвешься с места и побежишь, сопротивляясь весеннему ветру, захлебываясь от восторга и предвкушения: «Едут!!!»

Оливия затаила дыхание, боясь помешать рассказу: вот он, тот драгоценный момент, когда интервью превращается в спектакль. Но Зоя про журналистку давно уже забыла – она беседовала с каким-то воображаемым зрителем, скрывавшимся за объективом кинокамеры. Так актер говорит со сцены, обращаясь не к залу, а к конкретному лицу: вон к тому, в девятом ряду, с внимательными глазами.

– Ты проскакиваешь через ворота церкви, – продолжала декламировать Зоя, – цепляясь рукавом за завиток на чугунной оградке, мимо изможденного старичка с картузом в дрожащей руке, мимо набухающих зеленью берез, по каменным ступеням взлетаешь вверх... И вот уже потрескивают свечи, подрагивают языки лампад, а из-за рядов подбитых ватой мужественных плеч и дамских кружевных накидок доносится распевно: «Обручается раб Божий Андрей рабе Божьей Ольге...» И ты проталкиваешься что было сил вперед, вдыхая плотный ладанный воздух, мечтая увидеть юные лица тех, кому через много лет суждено стать... твоими родителями.

## IV Посылка

За окном истерично взвизгнула электрическая газонокосилка. Зоя поморщилась и жестом попросила прервать съемку. Распахнув дверь, в которую тут же хлынул соленый ветер, она что-то крикнула невидимому садовнику, и особняк опять погрузился в тишину.

– А хотите немного домашнего сидра? – неожиданно предложила актриса, на секунду задержавшись возле буфета, в котором за натертыми до полного исчезновения стеклами красовались бокалы причудливой огранки.

Она достала из холодильника кувшин и наполнила свой фужер мутноватым яблочным напитком.

Через секунду Вишневская уже вновь сидела в кресле. В просвете за ее спиной в стремительном чарльстоне вертелись мелкие пылинки. По краю опустевшего фужера медленно перемещалось неуклюжее тело осы.

– Худшего момента для женитьбы придумать, конечно, было трудно, – продолжила Зоя. – В начале тридцатых до Франции докатились отголоски большой депрессии. Работу найти было невозможно, предметы искусства продавались плохо, и родители с трудом держались на плаву. Одалживаться у тестя отец не желал – отношения между ними так и не наладились. Дед считал папу непрактичным чудаком, человеком «эксцентрического толка», неспособным обеспечить его дочери достойное будущее. «Он малюет какой-то деформированный, болезненный мир, – возмущался дед, восседая в габардиновом жилете, украшенном толстой часовой цепочкой, в своей нарядной гостиной. Ее обстановка сплошь состояла из расписных пасхальных яиц, пузатых самоваров, ажурных салфеток, пышнотелых красавиц в золоченом багете и всякой прочей цветистой ярмарочной роскоши, заменившей ему настоящую Россию. – У него на картинах не люди, а субстанции, какие-то уродливые карлы вместо живых существ! И вот эту ядовитую мазню он называет искусством!»

Словом, на улице Дарю родители показывались нечасто. От безденежья мама устроилась на подработку в эмигрантскую газету, публиковавшую ностальгические заметки, фельетоны и стихи. А отец, устав отираться по парижским галереям, где не удавалось продать ни одного полотна, взялся давать частные уроки, обучая начинающих живописцев пейзажным техникам. Академическое образование, которому ранее он не находил никакого применения, наконец-то сослужило ему добрую службу.

Жили они далеко от центра, на набережной Уаз, в огромном многоквартирном доме, где у дверей валялись пыльные башмаки, лежали вязанки дров, а через тонкие стены отчетливо доносился звон посуды и раздавалась речь на всех языках. «La Ruche!!!»<sup>8</sup> – в сердцах восклицал отец, сатанея от коммунального шума и спеша уединиться в маленькой комнате, служившей ему студией. Там было не развернуться, но за огромным окном, занимавшим всю внешнюю стену, проплывали по бесцветному небу дирижабли облаков и билась о ступеньки мутноватая вода канала.

– Я где-то читала об этой студии с видом на реку...

– Вполне возможно, – кивнула Зоя. – Отец сторонился монархических собраний, литературных вечеров и прочих проявлений эмигрантской жизни. За это его многие недолюбливали. Однако у себя людей принимал охотно. Бывала у него и французская художественная элита, и нищий русский авангард. Всех проходящих он сразу приглашал к себе в «мастерскую» –

---

<sup>8</sup> «Улей» – парижская творческая резиденция, построенная Альфредом Буше в 1900 г. Она состояла из 140 студий, в которых обитали начинающие литераторы и художники. (*фр.*)

каморку, выкрашенную в стерильный белый цвет. Там пили жидкий чай и говорили о насущном. Но по-настоящему отец ни с кем так и не сблизился: он утверждал, что «светское общение» – опасный суррогат, которого человеку мыслящему нужно избегать.

– А ваша мама разделяла его взгляды?

– Моя мама, – раздумываясь было от сидра лицо Зои неожиданно приобрело восковой оттенок, – совсем молодая тогда еще женщина, очень любила общество. Она обожала наряды, украшения, легкий флирт, салонную болтовню, и потому демонстративное затворничество отца со временем стало ее угнетать. К тому же денег им катастрофически не хватало. Гордость не позволяла ей обращаться к деду – тот не раз предлагал «содержание», но говорил при этом с такой насмешливой снисходительностью, что мама сразу отказывалась... Однажды, проведя ревизию своего гардероба перед выставкой костюмов по эскизам Сони Делоне<sup>9</sup>, где должен был собраться весь бомонд, она не выдержала и поехала на улицу Дарю. Отца дома не оказалось, но открывшая ей дверь горничная сообщила, что месье сегодня ужинает в «Петрограде».

– Да, «Петроград» тогда гремел на весь Париж, – поддакнула Оливия, вспомнив вязь с жар-птицами на фасаде ресторана, отбрасывавшего огненные блики на устремленный в небо православный собор.

– В то время это заведение было весьма популярно. Дед считался почетным членом общины, не раз жертвовавшим на нужды храма и сообщества. В «Петрограде» у него был свой столик. Сквозь кисейные окна трактира мама увидела, как ее отец пирует среди икон и жостовских подносов в компании обрюзгших усачей в расстегнутых чиновничьих мундирах...

Кроме хозяйки, женщин в «Петрограде» не было. Собравшись с духом, мама шагнула за порог, сразу утонув в дымном мареве. Взглянув на нее из-под отяжелевших век, дед плеснул себе из штофа водки и звучно произнес: «А вот, господа хорошие, дочь моя, Ольга, – жена одного гениального абстракциониста! Не иначе здоровьем родителя пришла поинтересоваться... Ведь не денег же ей у нас, «низших людей», просить!»

Кусая губы, мама ни с чем вернулась домой. Модная выставка прошла без ее участия.

Оливия открыла было рот, чтобы задать следующий вопрос, но Вишневская ее опередила.

– Отец в душе очень страдал от того, что они были так стеснены в средствах. Он искренне любил Оленьку, потакал всем ее капризам. Заметив, что она частенько стала задерживаться в редакции, пропадать на каких-то сомнительных званных вечерах, он решился на отчаянный шаг. Один ушлый парижский галерист давно предлагал выставить его картины при условии, что из непроданных предметов тот выберет кое-что для своей коллекции – в счет оплаты за хлопоты. Надо отдать ему должное: за время вернисажа отец заработал довольно крупную сумму. Часть денег он сразу потратил на подарок маме: купил у ювелира на Больших бульварах аметистовые серьги и браслет работы Луи Дюваля. По легенде гарнитур принадлежал в прошлом какой-то княжне. Преподнося его жене, он старался не думать о том, что весь «Московский цикл» рисунков, собранный из бережно хранимых воспоминаний юности, принадлежит теперь человеку, для которого эти «трепетные хроники сердца» – просто товар... Средства в голодный год, когда приходилось выбирать между горячим ужином и вязанкой дров для камина, им были очень нужны, но ведь лиловые серьги-жирандоли так чудесно шли к Оленькиному нежному лицу... Остальное для отца было неважно.

Зоя замолчала. По газону за приоткрытым окном замшевой поступью проследовал дымчатый кот. Сорвавшись с набрякшей ветки, на столик со стуком упало крупное яблоко.

Оливия перевела взгляд на отреставрированную фотографию, стоящую в рамке на каминной полке. На ней Андрей Вишневский в курортном канотье придерживал за локоть

---

<sup>9</sup> Известная художница и дизайнер, эмигрировавшая во Францию из Одессы в 1905 году.

свою юную жену – в свободном муаровом платье, со взбитыми по моде волосами, она склонила голову набок, давая всем полюбоваться сверкающим каскадом панделоков.

– Давайте вернемся к творчеству вашего отца. Насколько я знаю, лет десять назад вам удалось выкупить «Московский цикл» у какого-то частного лица.

– Я действительно уделила немало времени, чтобы вернуть себе все работы, какие смогла разыскать. Но несколько очень значимых для нашей семьи полотен исчезли совершенно бесследно. Кстати, с одним из них связана удивительная история... Дело было совсем недавно. Знаете что, а давайте ненадолго прервемся? Я угощу вас кофе и нормандским пирогом по моему рецепту.

Из-за камеры раздался вздох облегчения – Аврелий, видимо, с нетерпением ждал этого момента. Достав из кармана смятую пачку сигарет, он вышел за дверь и тут же рухнул в шезлонг. С наслаждением затянувшись, оператор подставил лицо сентябрьскому солнцу – пускай дамы поболтают, а он передохнет...

– ...И добавьте немного вот этого ликера. – Зоя достала из шкафчика сосуд, в котором одиноко плавал разбухший апельсин. – Отец называл его «44» – ровно столько дней нужно настаивать смесь из кальвадоса, фруктов и кофейных зерен, прежде чем она станет пригодной к употреблению. Вот смотрите, буквально чайная ложечка и... – она втянула ноздрями тонкий аромат, – увидите, ваш кофе зазвучит совсем иначе!

Оливия не посмела отказать актрисе, хотя регулярность, с которой хозяйка большого дома употребляла тот или иной «традиционный нормандский напиток», несколько настораживала.

– Так вот вам история. – Напившись жгучего нектара, Зоя вытянулась на бархатной оттоманке, расположившейся в самом углу гостиной, рядом с книжным шкафом. – Мой отец страстно желал обзавестись потомством. Это и неудивительно – в момент женитьбы ему было уже далеко за тридцать. А вот мама никуда не торопилась. Она была юна и полна пылких надежд: ей страстно хотелось общества, балов, приемов, газетных хроник и прочей мишуры, подтверждающей, что она составила хорошую партию. Она видела себя женой гения, великого творца – пускай немного несуразного и хмурого, но, несомненно, привлекательного. Отец на людях всегда держался отстраненно и, отказываясь поддакивать случайным собеседникам, рассеянно смотрел по сторонам. Мама, пытаясь компенсировать его угрюмость и отсутствие светских манер, любезно кивала головой направо и налево, рассыпаясь в любезностях, которые, впрочем, звучали из ее уст вполне естественно.

Оливия стояла все это время у окна, следя за траекторией движения резвого шмеля. Он хаотично перелетал с цветка на цветок с рвением подростка, одержимого неразборчивым влечением к красоте любого рода: не овладеть, так хотя бы прикоснуться!

Слушая Зою, Оливия уже в который раз задумывалась: отчего фигура матери, которую актриса так рано потеряла и к которой была явно привязана, выглядит в ее рассказах столь неоднозначно? Ведь девочке было всего восемь лет, когда Ольга скончалась от пневмонии. Тот нежный возраст, когда взрослый в глазах ребенка всегда прав и на все имеет право. А мелкие обиды забываются в считанные дни...

– В конце тридцатых, – продолжила Зоя, – дела отца пошли наконец в гору. Он купил этот дом и начал его обустраивать. Мама по-прежнему однообразно провинциальной жизни предпочитала праздничный Париж. А отец проводил в Довиле немало времени: самые известные его довоенные работы были написаны в Кальвадосе. В сорок четвертом, когда вопреки жизненной логике и биологическим условностям я появилась на свет, они переселились сюда.

Аристократический курорт, обезображенный противотанковыми рвами, колючей проволокой и маскировочным окрасом, все же сохранил свой шарм. Этот особняк, еще не принявший сегодняшних очертаний, не стал ночлежкой для немецких солдат только потому, что отец

не успел превратить его в одну из тех роскошных нормандских вилл, которыми так щедро было украшено побережье. Свои картины, которые, как и все «дегенеративное», были бы конфискованы нацистами и уничтожены, он оставил в Париже. Большую часть из них сумела надежно спрятать Стелла Лурье – галеристка, которой Вишневецкий обязан своим международным успехом. А несколько самых ценных полотен отец отдал на хранение семейному врачу. Они, к сожалению, бесследно исчезли.

– И вам не удалось их вернуть?

– Вот об этом-то я и хотела рассказать, – произнесла Зоя, поднявшись с оттоманки и направляясь к книжному шкафу. – Когда зимой сорок четвертого отец узнал, что жена наконец беременна, он едва не лишился рассудка. Это было сродни чуду: измученные годами оккупации, полуголодные, сменившие не одно место жительства, они уже ни на что не надеялись. Он долгое время ничего не писал – постоянная близость смерти и людского страдания наложили на него тяжелый отпечаток. И вдруг посреди этого морока, этой удушающей мути вновь зародился свет. Антифашистские газеты сообщали о скором наступлении союзников, и, словно вторя им, накатывала бурная, неукротимая весна. Тогда и родилась эта акварель – пронзительно искренняя, светлая, как предвкушение новой жизни. Отец посвятил ее мне...

На этой ноте Зоя сняла с полки потрепанный альбом и, раскрыв в нужном месте, протянула его Оливии.

– Вот, взгляните. Это всего лишь репродукция.

Со страницы художественного каталога, какие раздают посетителям вернисажей, на Оливию обрушился целый мир. Пастельный, зыбкий, едва осязаемый, но от этого особенно мощный – так оглушает запах набухающих почек и прелой земли, движение ветерка в еще обнаженных кронах, тихое постукивание дождя о прошлогодние листья.

Под рисунком стояла подпись: «Андрей Вишневецкий «Весна». 1944 год».

– Какое чудо! – восхитилась Оливия, внимательно изучая детали.

– Да, мне кажется, одна из самых эмоциональных работ моего отца. Потом его стиль стал более фигуративным. Он подарил этот рисунок маме в день моего появления на свет: рождение дочери в этот сумрачный, наполненный горечью момент было сродни внезапному наступлению весны. Так он меня и называл за глаза. – Лицо Зои озарилось каким-то нежным воспоминанием, она улыбнулась. – Акварель исчезла в самом конце войны при довольно смутных обстоятельствах. Ее следов мне найти не удалось. И вдруг, представьте себе, буквально месяц назад я получаю совершенно анонимную бандероль. А в ней – моя пропажа! Ни имени отправителя, ни сопроводительной записки... До сих пор ломаю голову – что за мистификация такая?!

Зоя поднялась и в возбуждении принялась ходить по комнате, дробно постукивая каблучками домашних туфель.

– Нет, безусловно, были случаи, когда картины отца возвращались ко мне спустя годы. Дважды их мне адресовали какие-то провинциальные германские музеи, куда они попали еще в середине тридцатых. Как-то раз целую серию работ прислал состарившийся одинокий коллекционер – просто не захотел завещать их государству. Были и вовсе анекдотические ситуации! Однажды квартирная хозяйка, у которой еще студентом квартировал папа, обнаружила у себя на чердаке ящики с вещами. Они были помечены его именем, и она, не разбирая, отправила их ко мне с посылным. А там, под слоем изъеденного молью тряпья, оказались его ранние московские гуаши. Впрочем, мадам была порядочной женщиной, и вряд ли бы ей пришла в голову мысль их присвоить...

– Но неужели на бандероли не было никакого штампа? – удивилась Оливия, чьи мысли тут же вернулись к «Весне». – Сейчас ведь можно отследить любое почтовое отправление. Достаточно связаться с курьерской компанией и...

– Мне сказали, что на коробке не было ни одной отметки. Обычный картонный бокс, адрес напечатан на листке и приклеен сверху. В общем, никаких опознавательных знаков. Я

была наверху, когда в дверь позвонили. Марк, мой хороший знакомый, открыл дверь. Посылка лежала на пороге.

– Загадочная история... Но главное, что памятная вещь к вам вернулась!

– Вы правы. Ведь в подлиннике «Весну» я никогда не видела – когда она пропала, я была еще грудным младенцем. Некоторые из исчезнувших в те годы работ отца все же нашли дорогу ко мне. Они находились в частных собраниях, и поскольку у картин не было официальных документов, подтверждающих происхождение, их не удавалось выставить на аукционные торги – после экспертизы шедевры сразу вернули бы законной владелице. Поэтому они до поры до времени циркулировали на черном рынке или висели в гостиных подпольных коллекционеров. Возможно, и «Весна» дополняла чей-то интерьер, пока ее обладатель, прежде чем отдать Богу душу, не решил мне ее анонимно вернуть. Другого объяснения я не вижу...

Оливия кивнула – ей ли не знать, какой абсурдной может быть судьба шедевра, который попал в поле зрения одержимого собирателя. Статуя Октава Мотравеля, которую им с Родионом удалось разыскать год назад, находилась в лапах такого вот паука целые десятилетия! Изъеденная ветрами и дождем, покрытая слоем морской соли, она все же выдержала натиск времени и украшает теперь собой сад Тюильри.

В эту минуту завздыхал с присвистом дверной звонок – Аврелий закончил перекур и был готов вернуться к работе. Пролыстывая в планшете файл с вопросами к Зое, Оливия обронила:

– Скажите, а как вы поняли, что перед вами оригинал? Ведь могла быть просто подделка.

Зоя усмехнулась.

– Подпись отца я отличила бы от любой имитации. Но дело даже не в этом. На обороте были какие-то странные отметки кириллицей, а также цветная раскладка, и я попросила Марка отнести рисунок в лабораторию. У него огромные связи в мире искусств, он смог привлечь лучших специалистов. Официальное заключение еще не составлено, но мне уже сообщили, что это подлинник. А потом, – подойдя к каминному зеркалу, Зоя аккуратно поправила прическу и смахнула ресничку со скулы, – я всегда знала, что «Весна» рано или поздно окажется у меня.

– Вы это... предчувствовали?

Утонченное лицо Вишневской резко заострилось, внезапно выдав ее возраст.

– Хотя вы еще и молоды, милая моя, но наверняка уже понимаете, что у нас есть обязанности перед будущим. А вот как быть с прошлым? Разве мы ничего ему не должны? Отец посвятил эту картину мне, и пока я жива – ее место здесь. По-другому и быть не может.

## V Телефон

Родион ждал ее у входа на ипподром – перед вечерним спектаклем для гостей фестиваля организовали показательные скачки. Дамы восприняли это событие как сигнал к демонстрации нарядов: каких только шляпок не мелькало на переполненных трибунах и в фойе!

– Ставить будем на «андердога»<sup>10</sup>, – определился Родион, протискиваясь сквозь надутую публику к букмекерской конторе. – На фаворите все равно ничего не выиграть – тут сплошные дилетанты, которые будут вкладывать деньги в скакуна с самым высоким рейтингом. Даже если красавец Черчилль вновь придет первым, большой прибыли он нам не принесет.

Оливия слушала его невнимательно – на ипподроме она оказалась впервые, обстановка казалась ей интригующей.

Наконец они прошли в ложу, где уже расположилась компания импозантных мужчин. Те перебрасывались эмоциональными репликами, смысл которых Оливии был непонятен.

– А я говорю вам: трикси – самый разумный метод!

– Да бросьте вы, Жозеф, это детский прием. Только мартингейл!

– Господа, господа! В этом забеге нет явного фаворита, здесь срабатывает лишь голландский подход!

Оливия с недоумением взглянула на Родиона. Тот лишь улыбнулся и указал ей подбородком: смотри, знакомые лица...

В ложе напротив на самых лучших местах сидели русский театральный режиссер со своей обаятельной спутницей, мэр Довиля с какой-то пасмурной дамой, знаменитый парижский комик со смазливим компаньоном, а слева от них, то и дело вскидывая бинокль и обозревая эллипсовидное поле, расположился Марк Портман. Из разреза его белоснежной рубашки выглядывало яркое кашне, подчеркивающее сургучовую яркость губ и ассирийскую черноту бородки.

– А что же мадам Вишневская? – поинтересовался Родион. – Ее не будет на скачках?

– Нет, Зоя говорила, что сегодня появится лишь на вечернем спектакле. Мы провели вместе всю первую половину дня – мне кажется, я ее немного утомила.

– Вы все успели отснять?

– Да, но завтра загляну к ней еще разок – нужно проверить хронологию событий и отобрать фотографии из архива.

– Габи теперь перед тобой в неоплатном долгу, – пошутил Родион. – Если, конечно, ты не позволила Вишневской повторяться и сумела выудить у нее что-нибудь новое...

«Если, конечно» кольнуло больно в подреберье. Оливия сжала губы и ничего не ответила.

В эту секунду раздался стартовый сигнал – и дюжина поджарых скакунов пестрой лентой протянулась по манежу. Дробный перестук копыт, взволнованный гул трибун, нарушаемый короткими всплесками отчаяния или радости, когда одной из лошадей удавалось вырваться вперед, мелкое подрагивание напряженных жокейских спин – происходящее завораживало!

Заставив себя оторваться от «кентавров», стремительно несущихся по беговой дорожке, Оливия вновь взглянула на Портмана. Тот вел себя экспрессивно: вскакивал с места, вздымал руки и ронял их на полпути, хватаясь за бинокль и время от времени отирая о брюки вспотевшие ладони.

---

<sup>10</sup> Слабейший участник игры (англ.).

Вдруг трибуны взревели: жокей в черном рединготе <sup>11</sup> пригнулся к взмыленной шее вороного скакуна, и тот, словно услышав какое-то заклинание, повел острыми ушами, резко прибавил ходу и в считанные секунды оказался в авангарде. Портман беззвучно вскрикнул, бросил бинокль и сорвал с шеи кашне.

Не сводя взгляда с миниатюрного всадника, он отер со лба пот и сунул скомканный платок в карман.

Родион сверился с электронным табло, на котором произошла какая-то рокировка.

– Номер девять... Эклипс... Кто бы мог подумать! – удивленно воскликнул он.

– У Эклипса низкий рейтинг?

– В прошлогодних скачках на приз Триумфальной арки <sup>12</sup> эта лошадь пришла одной из последних.

– Посмотрим, удастся ли...

Оливия не успела договорить: ипподром завибрировал, загудел, как турбинный двигатель. На последнем круге Черчилль, чистокровный англичанин с безупречной родословной, многократный призер соревнований с феноменально сильными, быстрыми ногами, словно забыл о всех своих регалиях и физических преимуществах, мотнул головой и сдал в сторону, пропустив вперед Эклипса.

Трибуны охватила тишина, а затем подобно взрыву грохнули аплодисменты. Забыв о приличиях и светских манерах, публика улюлюкала, свистела, кричала, бросалась обниматься или же рвать в негодовании программки. Кто-то выбегал из ложи к тотализатору, другие с недоверием вглядывались в электронное табло, прислушивались к возбужденному голосу комментатора, изучая возмутительные результаты заезда. На первой строчке уже красовался номер девять – никому не известный Эклипс и его наездник, Клод Монтень.

Родион, тоже вскочивший со своего места, изумленно развел руками.

– Вот за что я люблю скачки, так это за абсолютную непредсказуемость финала! Ты смотри, все прогнозы вдребезги!

Тем временем лошади перешли с аллюра на шаг и двинулись вереницей по узкой боковой дорожке в сторону конюшен. Утомленные гонкой жокеи все же соблюдали этикет и улыбались зрителям, мгновенно заполнившим примыкающую к проходу лужайку. Оливия, сидевшая с краю, могла разглядеть все подробности: и радостно подпрыгивающих нарядных детей, подбежавших к барьеру, и спешащих за ними элегантных дам, и какого-то старичка, ковыляющего с садовым букетом от самого дальнего сектора...

Не удержавшись, она спустилась по ступенькам вниз и тоже подошла к ограждению. В нескольких шагах от нее в толпе мелькнула орлиная голова Портмана. Он ловко протолкнулся к металлическому поручню и прокричал в спину победителю:

– Клод, бесподобно! Брависсимо!

Номер девять обернулся, и Оливия вздрогнула от неожиданности. «Клод» оказалась молодой привлекательной женщиной – той самой, что мчалась на рассвете по пляжу на вороном коне в сопровождении Портмана.

Утром следующего дня, который выдался облачным и бесцветным, Оливия вновь стояла у калитки знакомого дома. С пляжа доносились запах слежавшихся водорослей и какая-то минорная инструментальная музыка. Оливия нажала на звонок, и после непродолжительной паузы калитка с механическим скрежетом распахнулась. Влажный гравий поскрипывал под ногами, и звук этот, протяжный и тоскливый, породил тревожные чувства.

Однако Зоя встретила ее улыбкой.

---

<sup>11</sup> Здесь традиционный жокейский пиджачок.

<sup>12</sup> «Гран-при Триумфальной арки» – самые престижные скачки Франции.

– Проходите, я вас заждалась – у меня на сегодня множество планов! Днем я обедаю с нашими театрами, а в шесть в мэрии открывается выставка работ российских художников. Марк курирует этот проект и попросил меня присутствовать на церемонии...

На актрисе было платье цвета пепла, которое удачно оттеняли старинные серьги: судя по всему, те самые аметисты, что принадлежали раньше ее матери.

Поймав взгляд гостя, Зоя заметила:

– Да-да, это те украшения, которые отец купил на свой первый гонорар. Мама ими очень дорожила. Она рассказывала, что еще девчонкой в Москве бывала у одной гадалки. О ней тогда судачил весь город – вдова отставного генерала, она принимала у себя дам и предсказывала им судьбу. Безобидная забава обернулась для провидицы высылкой из города – предсказания стали так часто сбываться, что ее обвинили в преступном шарлатанстве. Маме она успела нагадать знаменитого мужа, жизнь на чужбине и ранний конец, который может отсрочить лишь «камень лилового цвета». Мама была суеверна и оттого, наверное, не расставалась с отцовским подарком: аметистовыми серьгами и браслетом. Ну а потом, – вздохнула Зоя, – эти «счастливые камни» достались мне... Впрочем, что это я вам голову семейными преданиями морочу. Давайте-ка лучше выберем фото – у меня ведь целый архив!

Неожиданно из кухни раздался звук бьющегося стекла. Дымчатый кот, которого Оливия заметила накануне в саду, вспрыгнул на подоконник и опрокинул кувшин с астрами. Букеты в доме Вишневской были повсюду – на декоративных подставках, на обеденном столе, в парных китайских вазах у камина.

А в прихожей, где отсутствовал дневной свет, на пристенной консоли красовались керамические лотосы. Рядом с ними лежал старомодный «журнал посещений» – он служил актрисе чем-то вроде ежедневника.

Наступив на один из осколков, которыми был усыпан кухонный пол, Зоя принялась отчитывать проходимца-кота за неповоротливость.

– Вы не подниметесь пока наверх, – попросила она Оливию, подбирая рассыпавшиеся по полу астры, – там на столе в кабинете стоит большая коробка. Принесите ее сюда...

Усланная ковром лестница привела Оливию сначала в полукруглый зал на втором этаже, где у окна застыли в созерцательной позе торшер и кресло, а затем и в кабинет.

Это место ей очень понравилось. В сентябрьской тишине окна, полуприкрытого темной гардиной, дрожали ветви яблонь. Дождь сочинял мотив, постукивая по ржавой велосипедной раме, прислоненной к одному из стволов, словно отсчитывая минуты отпущенного свыше времени.

Посередине комнаты, оклеенной полосатыми обоями, стоял письменный стол с суконной столешницей и кожаным бюваром. На нем лежали дамские очки, а слева – рядом с уютной библиотечной лампой – возвышался короб с металлическими уголками. Оливия уже протянула было к нему руки, но вдруг заметила черно-белое фото, расположившееся на противоположном краю стола: худенькая девочка в гимнастическом трико смотрит с обожанием на зрелого мужчину, который держит ее на руках. Внизу уже знакомым почерком художника подписано: «Моя Весна! Май 1952».

Оливия задумалась: Ольга Вишневская скончалась от двусторонней пневмонии зимой того же года. Ее смерть, судя по всему, еще больше сплотила отца и дочь – они служили друг другу опорой, веря, что до конца будут неразлучны.

Где-то за спиной скрипнул паркет.

– Ах вот что вас задержало. – Зоя подошла к столу и протянула руку к снимку. Из-под манжета короткой вспышкой сверкнули лиловые камни. – Это один из любимых кадров папы. Я тогда победила в гимнастическом состязании, и обо мне написали все парижские газеты!

Актриса провела пальцами по фотографии с такой нежностью, с какой касаются лица любимого человека, боясь нарушить его безмятежный утренний сон.

– Его распирало от гордости, – продолжила она, – после маминого ухода я стала средоточием всех его смыслов. Впрочем, так было всегда... Знаете, в отцовской любви кроется подвох. Когда ее мало, мы никак не можем поверить в себя, в свою женскую силу, а когда слишком много, начинаем ожидать от других того, что они не в состоянии нам дать. Думаю, ни один из моих браков не состоялся потому, что в каждом муже я пыталась разглядеть отца. Нет, я не искала опеки, не пыталась переложить на другого ответственность, не вела себя как избалованный ребенок. Я просто ждала того же приятия, которое в детстве мне ничем не приходилось заслуживать. Моим успехам отец всегда радовался, но в душе я знала, что и в случае провала он будет на моей стороне – не станет читать нотаций, давать запоздалых советов, разбирать ошибки, а просто утешит и поймет... Это так важно в жизни, правда?

Оливия замешкалась – что тут ответишь? Зоя выходила замуж несколько раз, и все ее мужья были немолодыми состоятельными людьми. Счастья и «приятия» ей это не принесло. Наверное, поэтому теперь она окружала себя юнцами, которые, впрочем, тоже постоянно ее разочаровывали.

Следующие два часа пролетели быстро – устроившись в гостиной, они перебирали фотоархив. С каждым его снимком был связан какой-нибудь эпизод из жизни Вишневских.

Оливия слушала Зою, думая о том, как изменилось ее представление об актрисе за прошедшие сутки. Вместо стареющей дивы, помешанной на украшениях, какой изображали Зою журналы, перед ней сидела привлекательная, просвещенная женщина, которую после смерти отца любовь упрямо обходила стороной.

Пообедать они решили в маленьком бистро на окраине, где подавали всего три блюда: морские гребешки в сливочном соусе, два вида устриц и рыбный суп с гренками. Родион ждал ее за столиком у окна. Сидя спиной к залу, он задумчиво созерцал, как надвигается на город каравелла грозных облаков.

Оливия беззвучно подошла к нему сзади и обняла за плечи.

– Почти не видимся в последние дни, соскучилась...

Он прижался щетинистой щекой к ее руке и ничего не ответил.

– Знаю, что ты не одобряешь всю эту затею, но я не могла отказать Габи. И, если честно, потраченного времени мне не жаль – Вишневская оказалась невероятной собеседницей, – добавила она, понимая, что Родион на нее обижен. В последнее время ее часто не было дома: и в будни, и в выходные приходилось бегать по редакционным поручениям, а по ночам наверстывать пропущенное в университете. Он поехал с ней в Довиль за компанию, надеясь, что она сумеет выкроить хоть немного времени, чтобы побыть вдвоем...

– Расскажи мне лучше, какие у нас планы на оставшуюся часть дня, – в его голосе не прозвучало эмоций, что лишь усугубило ее чувство вины.

– Сегодня вечером – авторский вечер Джибладзе. Может, мне удастся попасть за кулисы и взять у него блицинтервью...

– А почему бы тебе не попросить о помощи Зою? Она всех знает в этом замкнутом мире, ей не откажут.

Оливия взглянула на Родиона с благодарностью. Профессиональный интерес в нем всегда брал верх над личными обстоятельствами. Наверное, поэтому ему долго не удавалось обзавестись семьей: какой женщине понравится чувствовать себя актрисой второго плана, смирившейся, что изо дня в день главная роль отводится не ей, а работе.

Хоть это далось и непросто, но спустя несколько лет совместной жизни Оливия вынуждена была признать, что их с Родионом трепетная близость, душевная связанность во многом объясняются общностью интересов.

Она сунула руку в сумку, чтобы достать смартфон и набрать номер актрисы. Пальцы перебирали по очереди содержимое: ручку, блокнот, очечник, беспроводные наушники, ключи от квартиры, расклеившуюся упаковку жвачки, проездной билет... Только аппарата там не оказалось.

Перед глазами тут же возникли знакомая гостиная с лиловым гарнитуром, журнальный столик, придавленный архивной коробкой, фарфоровая чашка с недопитым кофе. Видимо, ее смартфон оказался погребен под ворохом семейных фотографий, рассыпанных по столешнице. Оливии так не хотелось опаздывать на обед с любимым, что она попрощалась с актрисой поспешно и вещи свои не проверила.

Отправляться к Зое прямо сейчас не имело смысла – та что-то говорила о встрече с «театральными людьми» и об участии в выставке, которую курировал Портман.

Значит, придется дожидаться вечера.

## VI Драма

С каким-то обреченным усилием океан гнал мутноватую волну, расшибая ее о полосу прибоя, словно отсекал все пути к отступлению. Над пляжем повис напряженный гул, сквозь который прорывались беспомощные стоны чаек, метавшихся под низким куполом неба.

Кутаясь в плащ и придерживая растрепанные ветром волосы, Оливия шла по дорожке вдоль садовых оград, за которыми желтели окна. Она не была уверена, что застанет Зою дома, но без телефонной связи обойтись было нельзя...

В нос ударил знакомый можжевельно-яблочный запах – вот и особняк Вишневы. Калитка оказалась открыта. Оливия вошла в сад – в подсветке редких фонарей тот выглядел призрачно и неприветливо. Деревья шелестели кронами, словно нашептывали молебный канон. На верхних этажах, скрывавшихся за частоколом деревьев, жалобно бились о раму распахнувшиеся ставни.

Приблизившись к вилле, Оливия заглянула в окна первого этажа. В ярко освещенной кухне было пусто. Сквозь анфиладу дверей просматривался кусок гостиной, в которой не улавливалось никакого движения. Она нажала на звонок – тот протяжно вскрикнул и затих. Подождав еще с минуту, Оливия прижалась ухом к двери – та поддалась и поползла со скрипом внутрь.

На секунду ей показалось, что в прихожей кто-то стоит, но, когда глаза привыкли к свету, Оливия поняла, что ошиблась.

Она окликнула Зою – вдруг та наверху, да еще не одна? Или принимает ванну... Черт, как неудобно вышло!

Потоптавшись с минуту на месте, Оливия неуверенно двинулась вперед и случайно задела сумкой за уголок «журнала посещений», который тут же слетел с консоли и гулко стукнулся об пол твердым переплетом. Она подняла его, подумав, что этот шум оповестит хозяйку о неожиданном визите. Однако нормандский дом оставался неподвижным – ни скрипа половиц, ни шороха шагов.

Оливия положила журнал на место, заметив мимоходом, что поверхность консоли покрыта какой-то странной желтоватой пылью. Пахло резкими и холодными, как атлантический воздух, Зоиними духами и вместе с тем чем-то примитивно-цветочным.

Пройдя мимо кухни, она оказалась в гостиной. На низком столике рядом с кофейной чашкой стояла коробка конфет. Рядом возвышалось ведерко со льдом – в нем утопала бутылка шампанского, а чуть поодаль переливалось богемской огранкой блюдо с крупным виноградом.

Вся остальная часть столешницы была завалена фотографиями, которые они просматривали с Зоей минувшим утром.

Оливия поворошила их рукой и вздохнула с облегчением, нащупав прохладный алюминиевый корпус: вот он! На экране ее смартфона высветились несколько сообщений от Габи, голосовое послание секретаря редакции, уведомление об очередном обновлении операционной системы. К счастью, не было ни одного пропущенного звонка: зная, что во время фестивалей журналисты работают в режиме непрерывных встреч, коллеги старались лишней раз не беспокоить.

Она убрала аппарат в сумку и вдруг заметила опрокинутый фужер, поблескивавший на ковре возле кресла, в котором любила сидеть Вишневы. Под ним расплылось пятно от пролитого шампанского.

Оливия подняла фужер, поставила его на столик рядом с шоколадным ассорти – крупными шарами, обсыпанными ореховой и вафельной крошкой, – и вздохнула: получалось

некрасиво. Сначала без предупреждения заявила в чужой дом, а теперь бежит, не поговорив с хозяйкой...

Может, позвонить ей? Даже если Зоя не снимет трубку, она оставит сообщение на автоответчике и предупредит ее, что входная дверь открыта – это ведь небезопасно!

Она набрала номер актрисы и приготовилась слушать гудки, но их заглушил рингтон, защебетавший где-то рядом. Вздвогнув от неожиданности, она обошла диван и увидела на полу мобильный телефон с треснувшим экраном. На нем призывно пульсировал ее собственный номер.

В полуметре от аппарата, ближе к дверному проему, валялась знакомая кремовая туфля.

Внутри просвистел ледяной сквознячок, впившись иглой в диафрагму. Оливия сбросила звонок, и наступила тишина, в которой напольные часы торжественно отыграли свой мотив.

«Все прояснится! – успокоила себя она, направляясь к выходу. – Зоя любит спиртное, вечеринки, флирт – наверное, сегодня случился очередной бурный праздник...»

Вдруг за спиной раздался шорох. Оливия обернулась, ожидая увидеть актрису, спускающуюся в шелковом пеньюаре по ступенькам с вопросительным выражением в глазах. Однако лестница оставалась пустой. Шорох повторился, затем шевельнулась портьера – из-под нее вылез сонный дымчатый кот. Забравшись на лиловое кресло хозяйки, он свернулся клубком и затих.

*Проходя мимо кухни, Оливия краем глаза улавливает легкую несогласованность картины. Притормозив, она присматривается. На разделочном столе – его видно в приоткрытую дверь – хищно скалясь отбитым краем, лежит опрокинутый стакан. Вода стекает из него ручейком на терракотовую плитку.*

*Стараясь не наступить в образовавшуюся лужицу, Оливия заходит внутрь. Где-то под потолком вокруг плафона мечется ошалевшая муха-ночница. В такт ее хаотичным касаниям стучат о дно раковины крупные капли.*

*Обходя стол-остров, Оливия обо что-то спотыкается.*

*Она опускает взгляд – это женские ноги, обтянутые тонкими чулками. Одна стопа обута в кремовую туфлю, вторая, неестественно вывернутая в сторону, босая. Сквозь крошечную дырку в микрофibre проглядывает беззащитный лепесток мизинца.*

*Одна рука с побелевшими пальцами и вздутыми на запястьях венами беспомощно откинута в сторону, вторая прижата ладонью к яремной ямке.*

*Женщина смотрит в потолок застывшими глазами: мутные зрачки в кровавом мареве лопнувших сосудов. В ее искаженном лице нет и намек на утонченность. Оно безобразно, лилово-серо.*

*Лавандовый отблеск фамильных камней – причудливой огранки аметистов – еще блуждает по жилистой шее, пытаясь уловить трепетание пульса...*

*Но тщетно.*

*Весна умерла.*

## VII

### Под замком

На авторский вечер солиста российской балетной труппы Родион решил не идти. Оливия все равно будет пропадать за кулисами, если у Вишневской получится устроить для нее интервью с премьером.

За обедом они договорились: как только Оливия переговорит с актрисой и заберет у нее свой телефон, сразу даст знать о дальнейших планах.

Но звонка так и не было...

Побродив по дому, Родион открыл бутылку вина, нарезал багет, местный душистый сыр и устроился перед огромным телевизором, которым была снабжена курортная квартирка его приятеля.

Полистав меню Netflix, он отыскал американский криминальный сериал, который начал смотреть еще в Париже. Оливия в последнее время все вечера проводила за конспектами: днем совмещать учебу на факультете и практику в популярном издании у нее получалось плохо, поэтому многое приходилось наверстывать в темное время суток. Ну а он вынужден был коротать время перед экраном в полном одиночестве.

Действие в новой серии закручивалось лихо – сценаристы на совесть отработали гонорар, уместив в пятьдесят минут эфирного времени несколько трагических смертей, пару сцен семейного насилия, циничный адюльтер, однополую любовь и мистическое исчезновение младенца.

Когда по кровавому полотну заставки посыпалась карточка субтитров, Родион уловил слабую вибрацию. Протянув руку к журнальному столику, он развернул к себе телефон.

Сквозь оглушительные децибелы саундтрека пытался прорваться неизвестный абонент: высветившийся номер был Родиону незнаком.

Уменьшив громкость, он нехотя ответил.

– Аллю! Слушаю вас...

– Господин Лаврофф? – Голос на том конце провода принадлежал молодому мужчине и звучал официально. – С вами говорит комиссар Давид Симон, помощник начальника жандармерии города.

– Чем обязан? – Родион мгновенно выключил телевизор. Интонации комиссара ему не понравились.

– Вы знакомы с мадемуазель...э-э-э... Оливией Илиади? Она назвала вас в качестве контактного лица.

Родион резко поднялся.

– Вам известно, где она была сегодня вечером? – пользуясь его замешательством, атаковал комиссар.

– Может, объясните, почему вы мне звоните? Что-то случилось? – Родион с трудом сдерживал раздражение – типичный приемчик жандармов: взять собеседника на испуг и начать сразу вытягивать из него информацию.

– Мадемуазель находится сейчас в комиссариате Довиля. Мы заканчиваем проверку личности, после чего будем вынуждены поместить ее под стражу на срок от двадцати четырех часов, – отчеканил он сухо.

– Что за бред, под какую стражу? В связи с чем?!

– В связи с возможной причастностью к смерти человека. Мадемуазель Илиади имеет право на адвоката. Мы можем назначить своего или послать уведомление адвокату по вашему

выбору. У него, правда, будет всего несколько часов, чтобы добраться до Довиля до начала снятия показаний. Вы можете мне дать его координаты?

Родиону стало душно – горловина тонкой водолазки сдавливала шею, перед глазами плыли какие-то бесформенные пятна. Нервно потирая лоб, он пытался вспомнить защитный код из четырех цифр – без него файл с деловыми контактами, хранившийся в планшете, был недоступен.

Наконец, он отыскал адрес и телефон Андре Вилара – адвоката, который не раз помогал ему разрешать судебные конфликты. Ведь почти в каждом расследуемом Родионом деле находился фигурант, желавший опровергнуть обнародованный компромат и подать на журналиста в суд... Усилиями Вилара все обвинения в отношении него неизменно отклонялись.

Распрощавшись с комиссаром, Родион рухнул на диван и устался на искривленный ствол салонной пальмы: ее тонкие листья были покрыты пылью, выглядела она уныло.

«Какая чушь... какой абсурд! – думал он, с усилием потирая лицо. – Главное, чтобы Вилар срочно приехал. Иначе они пригласят государственного адвоката, и тогда я ничего не буду знать о том, что там творится. А значит, никак не смогу повлиять на ход дела...»

Но Вилар не подвел. Через минуту он был уже на связи и обстоятельно объяснял нюансы процедур задержания и предварительного допроса.

– У меня есть кое-какие текущие дела, но я, пожалуй, смогу их доверить своим стажерам, – сообщил он, громыхая дверью сейфа. – Выезжаю завтра в девять. Ни во что не вмешайтесь и держите рот на замке: молчание сейчас – лучшая стратегия!

Под конец смягчив тон, он добавил:

– Не волнуйтесь вы так, Лаврофф! Это наверняка какое-то недоразумение: ну кого могла прихлопнуть ваша курсистка? Разве что комара, и то случайно.

Поговорив с адвокатом, Родион немного успокоился: действительно, ну какое, к чертям, убийство!

Очнулся он от гудения пылесоса в соседней квартире – на часах было восемь тридцать. Из-за неудобной позы, в которой он провел эту ночь – не раздеваясь, на диване с разъезжающимися в стороны подушками, – болели шея и плечо. Водолазка растянулась, на джинсы налип ворс от пледа. Вдобавок мучительно хотелось курить.

Крякнув, он поднялся и пошел в душ. Кран издал утробное урчание и выплюнул струю мутноватой горячей воды. Родион сунул под нее голову и зажмурился – как жаль, что все это ему не приснилось! Он протянул руку к навесной полке, на которой стоял флакон с шампунем – его привезла с собой Оливия. Открыл колпачок, втянул носом воздух: мед и облепиха.

Так пахла подушка, в которую он утыкался лицом по утрам, пока она принимала ванну или штудировала свои конспекты на кухне. Так пах его блаженный мир, который еще несколько часов назад был абсолютно незыблем.

Уняв трепыхание в горле, он натянул джинсы, футболку, накинул пиджак и отправился в город. Террасы кафе были пусты. Хмурые официанты протирали столы несвежими тряпками, вытряхивали пепельницы, громыхали пластиковыми стульями. Вдоль бордюра бродили пегие голуби, с ловкостью уличных воришек подбиравшие крошки, которыми был усыпан тротуар.

На глаза попался киоск прессы. Изучив выкладку газет и журналов, Родион купил свежий «Мондьяль» и, наспех докурив сигарету, уселся завтракать в ближайшей кондитерской.

Через минуту загорелая женская рука водрузила перед ним поднос с круассаном, апельсиновым соком и кофе. Подоткнув под вазон с цветком кассовый чек, хозяйка задала какой-то вопрос, но Родион его не расслышал.

Центральная колонка газеты была отведена новости под заголовком: «Смерть в Довиле».

«Вчера в своем нормандском доме была найдена мертвой известная актриса Зоя Вишневская. Прибывшая на место полиция пока устанавливает причину смерти, но есть основания

считать, что она была насильственной. Молодая журналистка, случайно оказавшаяся в доме звезды и обнаружившая ее тело, сообщила о произошедшем в жандармерию, после чего была задержана для дачи показаний».

Потрясенный Родион перечитал текст дважды, но имени Оливии, к счастью, в нем не обнаружил. Однако интуиция подсказывала – речь о ней... То, что эта абсурдная ситуация скоро разрешится, он не сомневался – всемогущий Вилар уже мчался из Парижа на всех скоростях.

Но для профессиональной репутации Оливии упоминание в прессе было бы губительным: если главред «Эритаж» пронюхает, что во время рабочей поездки она выполняла чужую работу, да еще и попала в криминальный переплет, то о постоянном контракте можно будет сразу забыть! И в университете после этого хороших рекомендаций ей не дадут...

Родион нахмурился, свернул газету и, сунув ее под мышку, вышел на улицу. Нырнув в сквозной пассаж отеля «Нормандия», он оказался на прибрежном променаде, уводящем в безотрадную даль – к туманно-дымчатым холмам, над которыми в сизом мареве повисло блеклое солнце. А ведь всего пару суток назад они прогуливались здесь с Оливией, не подозревая, чем закончится этот фестивальный вояж.

Он замедлил шаг возле «Солнечного бара», где пиновала в тот идиллический день компания беззаботных буржуа, окружавших Вишневскую. Радужный смех Зои, пузырьки шампанского в прозрачном бокале, трепетание шелкового шарфа на ветру – все это никак не вязалось с понятием «смерть».

Зазвонил телефон. Родион побрел по пляжу к воде, прижимая трубку к уху.

– Лаврофф, это Вилар...

– Андре, наконец-то! Вы уже в Довиле?

– Больше часа. Я решил выехать пораньше, чтобы избежать пробок. Да и вас пожалел – волнуетесь, конечно.

– Так что там? Как она?!

– Взяли показания. Я проинструктировал мадемуазель заранее, попросил не выкладывать лишних подробностей.

– Ее отпустят? Ведь...

– А вы сейчас где? – оборвал его Вилар. – Я не могу рассказать вам всего по телефону.

– На пляже, но за десять минут могу добраться до квартиры.

– Не надо. Подождите меня на парковке – у входа в Олимпийский бассейн. Поговорим в машине, – проинструктировал его адвокат и повесил трубку.

Едва Родион приблизился к бетонному зданию бассейна, из-за шлагбаума показался представительный автомобиль. Остановившись чуть в стороне, он помигал фарами. Дождавшись, когда Родион сядет и захлопнет дверцу, Вилар приглушил радио и произнес:

– Очень странная история, Лаврофф. Не скрою, в ней много непонятного.

– Не томите, рассказывайте по порядку.

– Со слов Оливии, вчера утром она встречалась с Вишневской, чтобы забрать материалы для фильма о ее знаменитом отце.

Родион кивнул:

– Да, фотографии.

– В обед она спохватилась, что забыла у Зои телефон. Но у актрисы были планы на вторую половину дня, и Оливия решила навестить ее вечером. Около восьми тридцати она добралась до ее дома. Калитка оказалась открыта, входная дверь тоже. Оливия позвонила для приличия, подождала и вошла. В прихожей никого не было. Она окликнула хозяйку несколько раз, но ответа не последовало.

– Вот уже тогда нужно было обратиться в полицию, – проворчал Родион.

– Согласен. Однако мадемуазель этого не сделала. Вместо этого она направилась в гостиную, чтобы забрать свой телефон с журнального столика, на котором предположительно оставила его утром. В комнате наблюдался беспорядок: бокал на полу, одинокая хозяйская туфля в дверном проеме. На столе – еще один бокал, коробка шоколадных конфет, блюдо с виноградом, ведро с бутылкой шампанского. В общем, все атрибуты романтического вечера... Оливия подумала, что пришла не вовремя. Ну вы понимаете, о чем я – мадам известна своей любовью к праздникам и молодым мужчинам. Уже покидая дом, сквозь приоткрытую дверь кухни Оливия вдруг увидела неподвижное тело Зои, распластанное на полу. Актриса была мертва.

Родион побледнел.

– Отчего она... скончалась?

– Сейчас с этим разбирается группа медицинских экспертов. Предположительная причина – механическая асфиксия.

– Дикость какая! Но в таком случае, как только будут готовы результаты вскрытия, Оливию отпустят – очевидно же, что она не могла задушить Вишневскую!

Глаза Вилара скользнули куда-то в сторону.

– К сожалению, все не так просто, Лаврофф. Зою никто не душил – судя по всему, она умерла от попадания инородного тела в дыхательный проход.

Родион удивленно приподнял брови.

– Подавилась крупной виноградиной и задохнулась.

– Какая нелепая смерть. Не младенец же она, в самом деле, чтобы едой давиться... И потом, где тут состав преступления?

– Дело в том, что в крови Вишневской выявлена изрядная доза алкоголя. С нетрезвыми людьми подобное случается часто: в момент оживленной беседы, приступа смеха или внезапного испуга просвет гортани может закрыть что угодно – от жвачки до сливовой косточки. Но суть не в этом. У Зои обнаружена черепно-мозговая травма.

– Она могла удариться обо что-то во время падения...

– Это правда. Сейчас они как раз пытаются понять, первичен ли этот ушиб и каким образом он был получен.

Родион покосился на адвоката – его не покидало чувство, что тот что-то недоговаривает.

– И когда же мы получим окончательный вердикт?

– Нужно подождать еще сутки.

– А потом Оливию отпустят?

– Зависит от результатов. Понимаете, криминалисты тщательно исследовали дом и среди прочих обнаружили ее отпечатки...

– Ну и что?! – воскликнул Родион, понимая, что его мир на глазах обращается в руины. – Их наличие вовсе не означает, что она – убийца!

– Конечно, нет. Ее «пальчики» присутствуют на предметах и поверхностях первого этажа, а ДНК – на недопитой чашке кофе. Конечно, этому есть объяснение – Оливия брала у актрисы интервью и провела в доме не один час...

Адвокат порылся в кармане, достал лакричный леденец и сунул его в рот.

– Однако вот что странно, – продолжил он, перекатывая конфету во рту, – на втором этаже, в личном кабинете Зои, где могли храниться ценности, тоже обнаружены отпечатки пальцев Оливии. Ваша подруга утверждает, что поднималась туда по просьбе хозяйки, однако звучит это подозрительно. Как и то, что именно она обнаружила тело и вызвала жандармов – практически сразу после того, как актриса скончалась.

– А точное время смерти Вишневской установили?

– Ну, не точное – приблизительное. При всех возможностях криминалистики его до сих пор определяют с некоторой погрешностью.

Родион молча уставился в потолок.

– Послушайте, но не могут же арестовать человека на столь расплывчатых основаниях, – пробормотал он растерянно.

– Не сгущайте краски, Лаврофф, об аресте пока речи не идет. Однако непроясненных моментов много. Сегодня вечером – по истечении двадцати четырех часов – ее либо освободят, либо продлят срок задержания еще на сутки. Не паникуйте раньше времени: для такого радикального решения должны появиться очень веские причины...

## VIII

### Ожидание

Труднее всего оказалось ждать. Готовить еду, отвечать на звонки, ходить за сигаретами в ближайшее бистро, где тянут за стойкой вино беззаботные люди. Раскланиваться со знакомыми, беспечно отвечая: «Дела – отлично!»

Быть одному...

А ведь совсем еще недавно он стремился к уединению. Одиночество его не было вынужденным – он насаждал его добровольно, пытаясь хотя бы на время отгородиться от человеческой лживости и цинизма. В журналистской профессии этого было в избытке – чего только за два десятка лет не довелось повидать: святых отцов, годами растлевавших доверчивых мальчишек; алчных глав корпораций, производивших лекарства из зараженного вирусом сырья; изворотливых чиновников, маскировавших публичные дома под массажные салоны и насаждавших их по всему Парижу.

В личной сфере потрясений хотелось избежать, а потому с женщинами Родион по-настоящему не сближался. Время от времени случались проходные романы, но ни один из них не принес ему чувства доверительной близости. Оно расцвело запоздало – с появлением Оливии.

Его внутренняя жизнь в тот момент отличалась линейностью: сердце билось ровно, без особых амплитуд. В тот момент, когда ему казалось, что душевный ресурс исчерпан и наступил долгожданный покой, ударила молния. Ошалев от этого внезапного импульса, он ожил, очнулся... Впустил Оливию в свой мир, открывшись ей целиком.

Теперь, всего за сутки ее отсутствия, внутри него образовалась огромная брешь, которую нечем было заполнить. Он кому-то звонил, строчил электронные письма, просматривал новости, крутил в голове пустые мысли, то и дело косясь на телефон, – будто в этом маленьком электронном устройстве сосредоточилась вся его жизнь.

Под вечер, совсем обессилив, он занял себя тем, что начал складывать из спичек дом – ладный, устойчивый, стабильный... И тут раздался звонок.

– Приветствую вас, Лаврофф, – произнес адвокат. – К сожалению, новости не очень...

Родиону показалось, что он камнем уходит под воду.

– Днем произвели повторный осмотр виллы – выявляли скрытые следы. Их оказалось немало. Теперь предстоит выяснять, кому они могут принадлежать.

– Вишневская охотно принимала у себя людей, у нее был широкий круг общения. Это же не повод держать под замком невиновного человека!

– Понимаете, на некоторых поверхностях – например, на неотшлифованном мраморе, каким облицована кухня, очень плохая контрастность папиллярного рисунка. Чтобы добиться внятных результатов, приходится распылять специальные химические вещества. Полиция сделала это сегодня утром. Но реакция у препаратов медленная, поэтому криминалистам придется вернуться на место гибели Вишневской еще и завтра.

– Ну а под подписку Оливию пока не могут отпустить? – напирал Родион.

– Не могут... Кстати, – адвокат сменил тему, – пришли результаты вскрытия. Зоя действительно умерла в результате механической асфиксии. Черепно-мозговая травма получена в минуты агонии – она упала, теряя сознание. Рассечен висок, однако удар пришелся по касательной, так что этот фактор вторичен.

– Ну и в чем же тогда дело?! Случайная смерть...

– В том, что на кухонной столешнице обнаружили отпечатки пальцев со следами крови. Они принадлежат Оливии, – огорошил Вилар. – Совершенно непонятно, откуда они взялись. И в том, что пока не удалось выяснить, пропали ли какие-либо предметы из дома

актрисы. Если окажется, что из кабинета похищены документы или иные ценности, это может нам сильно навредить. Посудите сами: сначала мадемуазель зачем-то соглашается выполнять чужую работу и под этим предлогом отправляется в дом к постороннему человеку. Затем разгуливает по всем комнатам, включая те места, где ее присутствие с точки зрения следствия «нелегитимно». Наконец, является к Зое без приглашения на ночь глядя, придумав себе сомнительное оправдание. Двери сами открываются, и она находит мертвое тело хозяйки. Как в дамских детективах, ей-богу!

– Вилар, ну вы же профи, – возмутился Родион. – Из того, что вы перечислили, отпечатки с кровью – единственная потенциальная улика. Да и то неизвестно пока, чья это кровь.

– Однако в них сейчас все и упирается. Оливия отвечает на вопросы очень сумбурно... Словом, следственный судья<sup>13</sup> распорядился провести реконструкционную экспертизу – она должна внести ясность. – Адвокат замолчал, посчитав, что дал уже достаточно объяснений. – Лаврофф, мы давно с вами знакомы... поверьте мне, нужно набраться терпения. От нас сейчас мало что зависит. Сначала должна сложиться общая картина: полиция опросит свидетелей, пробьет по базе найденные в доме отпечатки, сделает лабораторный анализ. Завтра примут решение: либо Оливию отпустят, либо... Первый вариант, конечно, предпочтительней.

Поблагодарив адвоката, Родион швырнул в сердцах телефон на журнальный столик. Стеклянная столешница мелко завибрировала, и ладный спичечный домик рассыпался на части, как рассыпается при проверке хлипкое алиби.

Всю ночь он шатался по дому в пижамных штанах, оставляя следы на пыльном паркете. Сидел на кухне, вглядываясь в равнодушное мерцание фонаря. Перечитывал собственный доклад для исследовательской конференции. Яростно курил. Устав, лег на диван – кровать его страшила своей пустотой и прибранностью... А главное, отсутствием родного запаха.

Надел наушники, включив тихую музыку, но глаз сомкнуть не смог – догадки теснились в голове, как парижане с утра на входе в подземку. Огненным шаром металась по лабиринтам памяти какая-то мысль, но он никак не мог ее уловить – едва приблизившись, она устремлялась в новое русло и вновь ускользала.

Наконец пришел долгожданный сон. Он навалился разом, словно на лицо опустили подушку.

*Забывтье было вязким, как болотная топь.*

*Он ворочался и метался, пока не ухватился за отголосок чьей-то фразы и не вынырнул на поверхность. В белом свете больничной палаты стояла она. Под глазами темные тени, волосы скручены в небрежный пучок.*

*Присела на край стула. Достала из сумки гранат, положила его на прикроватный столик. И вдруг нагнулась к его лицу, зашептав горячо и путано.*

*Его сознание норвило улизнуть, но он цеплялся за звук ее голоса, за сноп лучей в про свете между неплотно задернутых штор, за облепихово-медовый аромат, который плыл по казенной комнате...*

*А потом просвет затянулся, и снова сгустился мрак.*

Родион болезненно вскрикнул и проснулся. Все это было наяву, почти три года назад. Он тогда занимался запутанным «делом Апостола», проживая свою налаженную жизнь, в которой, казалось, нет места потрясениям.

Когда до разгадки оставался лишь шаг, на него напали в ночном метро: похитили важные документы, дав понять, что делу хода не дадут. На несколько кошмарных недель он оказался

---

<sup>13</sup> Должностное процессуальное лицо во французской правовой системе.

прикован к больничной койке. И в этот беспросветный час, как чудо, как спасение, появилась она.

Сейчас невозможно было бы представить, что он опять останется один. Да что это он, как сейчас можно думать о себе! Когда ее, испуганную, беззащитную, подняло на гребень исполинской волны и вот-вот расшибет о берег...

Тревога росла, набухала с каждой минутой. Родион достал из шкафчика бокал и плеснул себе вина, забрызгав полотняную скатерть. Выпив его залпом, оделся и вышел на улицу. До самого рассвета он бродил по закоулкам тихого городка, которому, казалось, были чужды любые волнения.

Под напорами ветра на коньках черепичных крыш вертелись флюгеры, по асфальту с шелестом перекатывались листья каштанов, а вдоль оград в тумане дрейфовали фонарные огни.

Родион пересек прибрежный бульвар и, не снимая ботинок, ступил на волглый песок. Постояв у воды, приметил лежак, одиноко стоявший неподалеку. Устроившись на нем, как бродяга на ночлег, он поднял воротник и прикрыл глаза: лишь бы закончилась эта проклятая ночь. А дальше будет видно.

## IX Исход

– Ну что, Лаврофф. – На приветствия Вилар уже не разменивался. Шагнув через порог ненавистной Родиону квартиры, в которой тот провел самые мучительные часы своей жизни, адвокат сразу направился на кухню. Родион молча проследовал за ним и включил кофейную машину.

– Как и ожидалось, кровь на отпечатках Оливии, найденных на кухонной столешнице, принадлежит Вишневской.

Родиону показалось, что из его тела разом изъяли кости, осталась только обмякшая плоть.

– Но не будем отчаиваться, – заметив состояние клиента, адвокат сам достал из кухонного шкафчика чашки и нажал на кнопку «Старт». Кофейный аппарат вздрогнул и выдал ароматную струю.

– Вам с сахаром? – поинтересовался он и, так и не дождавшись ответа, отмерил ложку белых кристаллов и высыпал их в напиток. Вручив Родиону чашку, продолжил: – В общем, вся надежда на реконструкционную экспертизу.

– В чем ее суть?

– Понимаете, – Вилар принялся расхаживать по кухне, громко прихлебывая, – само по себе наличие кровавых отпечатков ни о чем не говорит. Оливия утверждает, что, увидев распостертое на полу тело Зои, она бросилась проверять у нее пульс. Теоретически она вполне могла замарать руку кровью, приложив пальцы к сонной артерии...

Тут он прервался, поставил кружку на подоконник и вытащил из кармана дребезжащий телефон. После короткого разговора с неизвестным, напоминавшего обмен кодированными сообщениями, в которых предлоги, союзы и междометия были единственными понятными Родиону словами, адвокат вдруг, будто бы невзначай, спросил:

– А какое вино вы предпочитаете?

Родион пожал плечами.

– Если честно, в настоящий момент – любое...

– Ну тогда доставайте бутылку и бокалы. У нас появился повод!

Улыбаясь, он наблюдал за сменой выражений на лице клиента: недоумение, растерянность, надежда.

– Реконструкция показала, что в момент падения Вишневская ударилась об угол столешницы и рассекла висок. Отсюда и пятна крови. А Оливия случайно к ним прикоснулась и оставила потом отпечатки... В общем, сегодня ее отпустят.

Родион прижался спиной к холодной стене и глубоко вздохнул.

– Спасибо, Вилар. Что бы я без вас делал...

– Расслабляться пока рано, дружище, – покачал головой адвокат. – Следствие будет идти своим чередом, Оливию еще не раз вызовут на допрос. Но вы можете спокойно возвращаться в Париж, а это уже кое-что, верно?

Она вышла из здания жандармерии под вечер. Горизонт напряженно вибрировал – небо содрогалось в предвкушении наползающей грозы.

Когда в дверном проеме появилась ее фигурка, Родион кинулся было навстречу... и остановился, испугавшись, что избыточное его волнение, неуместная шумная радость могут довести Оливию до слез.

Она шагала к нему не спеша, поддерживая сползающую с плеча сумку и сдувая с лица спутанную прядь. А он стоял и думал, что вот именно так, размеренно и неторопливо, она проникла в его мир несколько лет назад. И тогда у него внутри вдруг что-то щелкнуло и завертелось...

– Вот, – будничным тоном произнесла Оливия, посмотрев в сторону. – Отпустили. Родион жестом подозвал стоящее неподалеку такси.

Всю дорогу они молчали, не размыкая сплетенных пальцев, будто боялись, что их подслушают и опять разлучат. Рассчитавшись с водителем и выйдя из машины, они столкнулись на входе в дом с двумя рабочими. Те несли ведра с краской и малярными кистями, о чем-то переговариваясь и сплевывая сквозь зубы на асфальт. При виде бессловесной пары, шагающей рука об руку с потерянными лицами, они невольно посторонились.

В квартире было сумрачно и тихо. За распахнутым окном в предгрозовых схватках изнемогали набрякшие тучи. В дрожащем кронами палисаднике неистово билась о ствол подвешенная кормушка. Опустив сумку на пол, Оливия бросилась вызволять кремовую штору, которую затащило в оконный проем – она трепыхалась на ветру, как пораженческий флаг на башне бастиона. В ту секунду, когда сомкнулись створки рамы, в небе раскатисто грохнуло, и тугие потоки воды ударили по стеклу.

От неожиданности Оливия отшатнулась, почувствовав спиной близость родного тела. Родион зарылся лицом в копну ее растрепанных волос и, крепко обхватив руками, прижал к себе.

Внутренний стержень, державший ее все это время, не позволявший ей рассыпаться во время изматывающих дознаний, мучительных бесед с адвокатом, одиноких и страшных часов, проведенных в следственном изоляторе, внезапно ослабел, размяк, как воск запаленной свечи. Оливия повернулась к Родиону и, всхлипнув, закрыла лицо ладонями. Потом все как-то поплыло и завертелось, комната качнулась, завалился потолок. Скрежетнул по паркету сдвинутый журнальный столик, охнула диванная пружина.

Они лежали, намертво сцепившись, будто стихия может в любую минуту растащить их, раскидать в разные стороны. Он что-то говорил тихо, едва различимо, но его слова перекрывал шум дождя. Когда после очередного раската грома она повернула к нему лицо, он впился в него губами.

В утренних сумерках – уже в спальне, в разметанной постели – они обсуждали все, что случилось за эти дни. Оливия рассказывала сбивчиво, немного побаиваясь его осуждения, но Родион молчал, сосредоточенно глядя перед собой. Наконец он подытожил:

– Вилар утверждает, что если из дома Зои ничего не исчезло, то криминальной составляющей нет. Немолодая женщина всего лишь злоупотребила шампанским и подавилась крупной виноградиной. Конечно, они должны понять, с кем звезда провела тот вечер и был ли свидетель ее печального конца...

– Вот! – вдруг оживилась Оливия, приподнимаясь на локте и позволяя бесстыжей луне, повисшей на очистившемся небе, любоваться ее наготой. – Пока никто не знает, с кем Зоя была в тот момент. Опросили весь ближний круг, включая Марка Портмана, с которым она обедала в окружении театральных критиков и режиссеров. Потом Вишневская участвовала в вернисаже русских художников, организованном фондом Портмана. Тот утверждает, что актриса была в приподнятом настроении – она сияла, наслаждаясь всеобщим вниманием, но под конец немного перебрала. Портман, от скандала подальше, отвез Зою домой. Проводив ее в спальню, взял с нее клятвенное обещание, что та сразу ляжет спать. Уходя, дверь за собой он плотно закрыл. Ну, по крайней мере, так ему показалось.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.